

TUM BOLKOV

МРАКОБОРЕЦ

16+

1

КРОВЬ ХИМЕРЫ

ТИМ ВОЛКОВ

Мракоборец. Кровь химеры

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Волков Т.

Мракоборец. Кровь химеры / Т. Волков — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Ярость никогда не исчезает. Она копится. Просачиваясь сквозь раны, оседает на самое дно, где до времени пребывает в кромешной тьме. Но каждый сосуд души имеет свои объемы и приходит час, когда ярость, хлестнув через край, вырывается наружу. Огонь злости испепеляет всё на своем пути, жажда мести требует новых жертв. Что может остановить и погасить пламя? Только кровь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Ведьмы тоже умирают.

Но смерть их не так легка, какая бывает у простых, не испачканных грязью колдовства, людей. Слишком много узлов держит гарпий здесь. Долги, что набрали за длинную черную жизнь, возвращать в конечном счете все же придется. А сбежать просто так не удастся – Высшие Силы ведут спрос даже на смертном одре. В особенности на смертном одре.

И если нечем платить, то пеняй на себя – пребывать между жизнью и смертью, на Сумеречной границе, не имея возможности перейти на ту сторону – страшнее даже самой изощренной пытки. С угасанием жизни приходят страдания. Тело бьется в судорогах, сгорая в агонии, просит милости и смерти. Но не отпустит Вседержитель, пока не получит причитающееся, и ведьма вынуждена умирать не умирая.

А долги эти особенные. Не денежные, не материальные, иного толка. Ни золотом, ни иными сокровищами мира нельзя ими расплатиться. Ах, если бы было все так просто!

Любое колдовство требует подпитки силой. Взять ее ведьма может только извне. И берет. Не думая, как будет выкупать долги, ибо долог её век.

Однако даже бесконечность когда-то проходит и наступает час расплаты.

Как вернуть то, что невозможно возвратить? Никак. Остается только одно – передать долги другому. А самой, став обычной смертной, уйти на покой. Подло? Несправедливо? А стоит ли ждать иного от ведьмы?

Ведьмы тоже умирают.

Пришло и твое время, старая Морана. Так ожидаемо, но заставшее врасплох. Трудно уходить. Ох, как трудно.

Сколько длилась линия жизни? Долго. Сколько ты сносила пар обуви и стерла посохов об камни и дороги? Не счесть. А теперь пришел закат, и пора отправляться во мрак. Всему наступает свой час.

Всю ночь ты гадала. Хотела узнать ответы на так мучившие тебя вопросы.

Когда же ждать облегчения? Когда же будет конец? Ну хоть один знак!

Под утро, еще до первых петухов, напроорочила двух путников. Старика и девочку. У них одна линия крови. На старике лежит печать смерти, он не представляет интереса, хоть и имеет скромные зачатки того, что есть в изобилии у тебя, ведьма. Он тоже черпает силу из Потока, хоть и в ограниченном количестве.

А вот девочка – другое дело. Морана сразу почувствовала ее мощь. От астральной отдачи зазвенело в ушах и носом пошла кровь. Сильная девочка. Очень сильная. И злая.

Подходит. Выдержит ритуал.

Морана улыбнулась. Пришло время. Пора готовиться для передачи Силы. И долгов.

Ведьмы тоже умирают. Наконец наступил и ее час. Она будет ждать их. С нетерпением ждать.

Глава 1

Оживший мертвец!

Самый настоящий, о котором читал только в старых манускриптах городской ратуши, теперь стоял перед ним. Совсем близко, только руку протяни.

– Бхэээеерх!

Вылезший изо рта иссиня-черный распухший язык едва шевелился, от чего разобрать слова было почти невозможно.

Ардус брезгливо отпрянул, но мертвец вновь приблизился к нему. Покрытая кровотоками язвами голова тряслась, казалось, еще мгновение, и она просто отпадет прямо тому под ноги.

– Во имя всех святых, – прохрипел мертвец. – Подайте монетку бездомному бродяге!

Черная ладонь потянулась к парню. Покрытые коростами обмороженные пальцы дрожали.

– Пошел вон! – взвизгнул Ардус, уворачиваясь от протянутой длани и поспешно отступая.

Поняв, что стоящий перед ним вовсе не покойник, а обычный попрошайка, парень облегченно вздохнул. Но радость длилась не долго. Почувствовав исходящий от бездомного, запах – кислятина давно не мытого тела вперемешку со сладковатым смрадом гнили, – Ардус едва не согнулся пополам, чтобы опорожнить желудок, и если бы не отсутствие в течение последних двух дней нормальной пищи, конфуза было бы не избежать.

– Пошел вон! – повторил парень, отстраняясь.

– Не откажите! Что стоит вам подать одну монетку бездомному? Для вас пустяк, мелочь, а мне она, возможно, жизнь спасет, – прошамкал бродяга, продолжая подходить к парню все ближе и ближе.

«Он ведь заражен! – внезапно понял парень. – Той болезнью, про которую говорили моряки, черной гидрой».

– Пошел вон! – поспешно повторил Ардус, отгоняя назойливых мух – те, привлеченные смрадом, лезли в глаза и неприятно щекотали ноздри. – Убирайся я сказал!

Парень не рискнул прикоснуться к бродяге чтобы оттолкнуть перегородившего ему путь, поэтому развернулся и пошел прочь, обходя того стороной. Бездомный заковылял следом, начал что-то говорить, но упал посреди дороги и затих.

Пришлось делать приличный крюк. В незнакомом городке это была не самая хорошая идея.

«Не заблудиться бы в этом пристанище демонов!», – со злостью подумал Ардус, петляя по тесным лабиринтам.

Сначала брел мимо знакомых улочек, по которым уже следовал ранее, до того, как встретить оборванца. Но постепенно пейзаж стал меняться, и все чаще попадались дома и заборы, которые он видел впервые. От этого становилось не по себе. Из всех щелей, называемых здешними жителями окнами, на него пристально глазели наполненные ненавистью колючие взгляды.

Ардус старался идти быстрее, не останавливаясь, но переулки становились все теснее и запутаннее, порой и вовсе смыкаясь друг с другом в тупик.

Наконец, окончательно поняв, что идти в обход было ошибкой, парень, скрепя сердце, решил вернуться назад. Может быть, больной бродяга уже ушел? Не вечно же ему там торчать. Только вот найти бы теперь нужную улицу.

Заплутать в Рыбном квартале забытого всеми богами городка Заррия не самая лучшая перспектива. Особенно под вечер. Всем известно, что в таких районах ничего хорошего не жди, сплошные жулики да нищие.

«Чтоб тебе пусто было!», – выругался Ардус на бродягу, из-за которого он заплутал, заходя в очередной незнакомый проулок. По ощущениям уже давно пора было выйти на то место, где он его повстречал. Но один закуток сменялся другим, точно таким же, а нужного места все не было.

«Заблудился!», – с горечью признал свое положение парень, ускоряя шаг. Трясло от избытка горьких чувств. Злость на самого себя, на того больного ублюдка, на весь белый свет жгла изнутри, не давая собраться с мыслями.

– У вас что-то случилось? – раздался вдруг над головой чей-то низкий густой бас.

Из закоулка внезапно выпрыгнула широкая тень, Ардус едва успел затормозить чтобы не врезаться в ее обладателя. Поднял взгляд, с опаской изучая нового незнакомца.

Перед ним стоял грузный, обрюзгший, заросший щетиной мужчина, лет сорока. По обвислым щекам текли крупные капли пота. Незнакомец улыбнулся, обнажая ряд желтых лошадиных зубов, повторил:

– У вас что-то случилось?

Ардус помедлил, сомневаясь стоит ли начинать разговор. Язв, как у предыдущего бродяги, у толстяка не имелось, да и гнилью он не вонял. Но и доверия не внушал, хоть и походил на разумного.

– Я заблудился, – неуверенно произнес парень, переводя дыхание.

Он вдруг почувствовал, что сильно устал и хочет пить. От долгой ходьбы ноги гудели, а голова, нагретая за весь день солнцем, раскалывалась.

– Это привычное дело! – сказал незнакомец и рассмеялся сухим лающим смехом.

Ардус не понял шутки, но соблюдая этикет, устало улыбнулся в ответ.

– Заблудиться тут плевое дело. Особенно не местным. Вы ведь не местный, я правильно угадал?

– Да, не местный, – подтвердил парень. – Подскажите, как мне...

– Вы только не переживайте! Потому что многие, кого я повидал тут, всегда начинают нервничать. А нервничать не надо. От нервов все болезни. Вы это знали? Вот теперь будете знать.

– Я хотел бы...

– Не переживай. Помогу твоему горю.

Толстяк по-приятельски похлопал Ардуса по плечу, словно был уже давно с ним знаком. Даже сквозь рубашку парень почувствовал его крепкую каменную ладонь. Стало не по себе.

– Я лучше пойду, – сказал Ардус, отстраняясь назад.

– Нет! Пстой! – задорно улыбнулся собеседник. В глазах блеснул хищный огонек. – Куда же ты пойдешь, если заблудился? Вот глупый парень! Хех! Сразу видно – не местный! Я помогу тебе. И возьму не много. Нынче знаешь сколько берут? О! Три шкуры сдирают! Представляешь? Такие времена нынче, такие нравы. Никакой совести, никаких принципов. А у меня остались еще кое-какие принципы. Я немного беру.

– Вам деньги нужны? – невесело спросил Ардус, впрочем, уже зная ответ.

Толстяк рассмеялся, вновь похлопал его по плечу.

– Молодец! Вот ведь смышлёный какой юнец! Далеко пойдешь. Я ведь как тебя увидел – сразу понял. Этот, думаю, далеко пойдет. Смышлёный, ага. Небось, на учебу приехал поступать?

Ардус кивнул.

– Ну это я сразу вычислил, не дурак, – подмигнул он. – По виду твоему понятно, что на учебу. Через наш городишка каждый сезон такой вот поток студюзов прет, в основном из

Агадора и Друкора. Тракт то один к столице. А что нам остается делать? Терпим. Тебе лет двадцать, пожалуй, будет?

– Девятнадцать, – уточнил Ардус, взглядом подыскивая пути к отступлению.

Их не было. За спиной глухой тупик, впереди здоровяк, перегородивший дорогу. И доверия незнакомец не внушал.

– Вот видишь! У меня глаз точно все подмечает. Ну так что? Договорились? Или не договорились?

Толстяк хищно ухмыльнулся. Словно бы невзначай достал из-за пояса огромный ржавый тесак. На лезвии еще виднелись засохшие пятна крови.

Ардус попытался отойти, но крепкая рука незнакомца остановила его.

– Вроде не глупый же ты. Не надо этого. Не надо, – последнюю фразу он повторил с нажимом, чеканя каждый слог.

Парень понял, что влип в неприятности по самую макушку, и как выкручиваться из них не имел ни малейшего представления. Угораздило же! Ведь с самого утра день не задался! То едва не попал под колеса обозла, то больной бродяга, то теперь вот этот бандит.

Всё богатство парня – два золотых, сорок серебряников и восемь медяков, выданные родителями на учебу, – в миг могли исчезнуть из его карманов, перебравшись в лапы грабителя. А без денег, как известно, не выжить в чужом городе. Даже в Академию не поступить – не получится оплатить взнос. Что тогда? Возвратиться назад?

С таким позором и в отчий дом – никогда! Он этого не сделает! Уж лучше умереть.

«Отец не простит», – промелькнуло в голове.

А потом Ардус, начиная тонуть в поднимающейся ярости и злости, вдруг решил – ни за что не отдаст свое. Если этот толстяк и заполучит их, то только вытащив из кармана трупа. Биться – так до конца.

Словно прочитав эту решимость в его глазах, бандит грустно вздохнул.

– А вроде умным мальчиком показался, – произнес он и со свистом рассек оружием воздух. – Ну что же, придется, как всегда, по старинке.

Вновь свистнул пролетевший около самого лица тесак. Ардус в последний момент успел отклониться, рванул в сторону, весь вжавшись в стену. Толстяк рассмеялся.

– Вот ведь дурачок! Иди сюда!

Парень, уворачиваясь от очередного удара, бросился под руку головорезу. Маневр получился удачным, бандит рубанул тесаком стену, оружие глубоко застряло в деревянной балке.

– Чтоб тебя! – зашипел грабитель, тщетно дергая рукоять.

Дождаться развязки Ардус не стал – бросился наутек, не разбирая дороги. Бежал так долго, пока совсем не осталось сил. Задыхаясь от жажды и усталости, проклиная тот миг, когда ступил он на улицы этого городка, парень остановился перевести дыхание.

Все тело била сильная дрожь. Парень пытался, но не мог, как ни хотел, унять животный ужас. Несмотря на жару, на лбу выступил холодный пот. То и дело озираясь, чтобы убедиться – нет ли погони, он вновь пошел вперед. Теперь к уже имеющемуся страху быть пойманным головорезом, прибавился еще один – остаться на улицах этого проклятого городишки ночью. А темнеть уже начало и первые тени притаились в углах домов.

Это были его первые неприятности, с которыми он столкнулся во взрослой жизни, один на один. Но последние ли? Он в этом сильно сомневался. Отец предупреждал, что придется обломать не один зуб и не раз разбить кулаки в кровь, прежде чем вклиниться в поток существования, стать частью его.

«Ничего, через это все проходят, – буднично говорил родитель, провожая его. – Привыкнешь. Такова жизнь».

Но нет, к такому Ардус не хотел привыкать. Теплилась еще надежда, что там, в Академии, будет все по-другому. Ведь там действуют нормы и правила Закона божьего, не в пример тому, что твориться здесь, в глубинке.

Наступит время, когда ему, Ардусу, выпускнику Академии, придется отправляться, возможно даже и сюда, чтобы нести слово божье. Таков закон Академии. Такова воля божья. И тогда он рассмеётся над теми страхами, которые сейчас так одолевали его.

Парень встряхнулся, откинул со лба слипшиеся волосы. Успокаивало только одно – деньги приятно оттягивали карман. Сегодня надо успеть до ночи найти постоялый двор, поесть, отдохнуть, а с утра дальше отправиться в путь. Предстояло еще преодолеть много лиг до конечной цели.

А цель была одна. Академия Истинной Веры, что располагалась в Амальтаре. Еще с детства Ардус проявлял способности в науках, особенно религиозного толка. Знал наизусть все Семь Заветов, хорошо разбирался в житии Святых Первого Круга, мог назвать всех Святых из Второго. Помнил церковные праздники, мог без проблем повторить основные обряды и таинства, хоть и церковного сана не имел. Глубоко разбирался в началах оккультных наук.

Отец Ардуса, к вере питающий весьма холодные чувства, но обладающий неимоверным талантом из всего извлекать выгоду, настоял, чтобы сын пошел учиться в Академию после окончания школы. «Получишь чин, – сказал он ему однажды за трапезой. – Будешь хорошо жить. Про нас не забывай. Помни, кто тебя на ноги поставил».

А на следующий день вручил с явной неохотой денег и распрощался.

И теперь, исполняя волю отца, парень шел через всю Энгарийскую империю в Амальтар, дабы поступить в Академию. Добрую половину пути преодолел он с ходоками на обозах и торговцами. Недорого заплатил и уберег себя от нападения разбойников и различных неприятностей, какие могут повстречаться в дороге.

Но в двухстах лигах до столицы со спутниками пришлось распрощаться – те шли на юг и после очередного дозорного поста их пути разошлись.

В тот же день, договорившись за умеренную плату с одним выпивохой, имеющим повозку, Ардус вновь отправился в путь. Однако извозчик довольно скоро запросил аванс, начал всячески изводить пассажира нытьем по поводу старых колес, которые надо бы как можно скорее менять, а денег нет. А под конец и вовсе отказался везти дальше, сославшись на то, что лошадь его устала и ей надо бы отдохнуть. Пришлось платить аванс. Выпивоха в первом же придорожном трактире купил на полученные деньги огромную бутылку мутного самогона, напился до безобразного состояния и упал с повозки, разможив себе голову. Ехать без своего хозяина лошадь категорически отказалась. Пришлось сойти в маленьком богом забытом поселке со странным названием Заррия, где Ардус и повстречал сначала изуродованного язвами бродягу, а потом и толстяка-головореза.

«На сегодня с меня приключений хватит!», – устало подумал парень, едва волоча ноги по пыльной дороге. В желудке жалобно урчало, язык от жажды превратился в пергамент и неприятно царапал нёбо.

Ночлежка нашлась довольно быстро. Покосившаяся от времени сараюшка с тараканами размером с чернослив, но за умеренную плату и миской горячей еды. Хозяин без лишних слов проводил гостя в комнату, вручил ключи и, взяв деньги, так же молча удалился.

Ардус с наслаждением напился воды из глиняного кувшина, поел на скорую руку, стянул с себя одежду, рухнул в кровать и моментально уснул тяжелым без сновидений сном.

Глава 2

В Великие Степи пришел джут.

Голодный пес, не знающий пощады и жалости, забирающий всех, от мала до велика, убивающий если не сам, то своим ледяным мертвым следом, он полз во все направления, принося с собой только одно – смерть.

Сначала погибли старые животные и молодняк, потом – все захворавшие и ослабленные от голода. Когда пал почти весь скот, Корке собрал аул, снял перед понурыми людьми шапку, оголил седую голову и сказал:

– Нам нужно уходить.

Хотел добавить что-то еще, но словно онемел, забыл слова. Глянул поверх людей куда-то вдаль и водрузил шапку обратно на седую голову – холод стоял крепкий. Повторил:

– Нужно уходить.

Услышать такие слова боялись все. Корке это знал. Поэтому не стал ходить вокруг да около, пытаясь смягчить новость – к чему лить мед на полынь? Сладше она от этого не станет.

– Другого выхода нет, – произнес он, стойко выдержав колючие взгляды сородичей. Чекая слова, произнес страшное: – Пришел джут.

Молчали, вслушиваясь в степной ветер – что он, великий и мудрый, скажет, какой даст совет? Но ветер лишь не злобно кидал в серые лица людей горсти колючего снега.

– Корке, куда уходить? – после долгой тягостной тишины произнес Тарун.

Он вышел вперед, заложив руки в карманы, слегка сутулясь. Небрежная медленная походка не скрыла в нем напряжения и напряженной собачей агрессии, словно он готов был вот-вот бросится на вожака и вцепиться тому в горло. А ведь так бы и сделал, если бы не так сильно боялся гнева односельчан – те не простили бы ему такого. Сказал:

– За перевалом нет жизни, лишь выжженные пустыни – Песочный Шай-Нтан уничтожил все, ты сам это прекрасно знаешь. А здесь наш дом, здесь наш кров, здесь мы родились. Сюда ему не добраться. Не надо нам никуда уходить.

Корке шумно вздохнул, ощущая, как морозный воздух обжег легкие. Произнес:

– Если не уйдем сейчас – умрем с голоду, как наш скот, не дожив и до середины зимы. А ведь она только начинается. Все самое страшное – впереди.

– Славны наши былые дни, – вступил в разговор Закур, слепой старик, к чьему совету жители аула прислушивались всегда. Когда-то давно он тоже был вожаком, но уступил свое место Корке, ибо сам править из-за слабости и плохого здоровья уже не мог. – Мы воевали за эти земли. Погибали за них. Пережили множество войн, отстаивая на неё своё право. Еще свежа память тех жуткий битв и слышен отголосок звона мечей. Так почему мы должны уходить оттуда, что по праву принадлежит нам?

«Потому что с природой воевать мы еще не научились», – хотел сказать Корке, но этот выскочка Тарун опередил его, крикнув:

– Старик Закур верно говорит! Не даром он когда-то был нашим вожаком! Это – наша земля! И мы никуда от сюда не уйдем!

Народ тревожно начал перешептываться.

– Корке, ты, конечно, человек мудрый, повидавший многое на своем веку, мы тебя уважаем, с почтением к тебе относимся, – продолжил Тарун.

Морщина, появившаяся у него на лбу вначале разговора, теперь ушла. Корке понял, что парень не поддержит его, напротив, будет всячески противостоять. Тарун давно хотел сменить стареющего вожака, самому стать предводителем их племени, властвовать и управлять остатками выживших людей. И вот теперь подходящий момент настал.

– Корке, все всегда слушали твои советы – они не раз нам помогали... но теперь, когда больше нет других пастбищ, какой толк уходить на мертвые земли? Когал – единственное место, где еще растет трава. Снег не вечен, он обязательно растает, напитав землю водой. И на следующий год будет еще больше травы. Надо только продержаться. Сохраним скот, и у нас появится молодняк. У каждого в ауле есть по щепотке сена, овса. Сплотимся, выкормим остатки стада, до весны продержимся. Родившийся отёл честно поделим поровну. Тем и спасемся.

Корке едва сдержал смех. Какой же наивный! Зима только началась, и судя по приметам, которые не обманывали последние сто лет, будет долгой и суровой. Самой холодной, какую они и представить себе не могли.

Но это не наивность молодого паренька – вдруг понял Корке, внимательно вглядываясь в прищуренные глаза Таруна. Дерзнувший юнец прекрасно все понимал, тем не менее выступил против – только лишь чтобы противопоставить себя вождю. Зачем? Ради какой цели стоит так рисковать и придумывать смехотворные доводы в пользу того, чтобы остаться? Ведь на верную гибель толкает всех! А ведь люди его слушают! Кивают и поддакивают, ничего не понимая.

Надо уходить. Как можно скорее. Туда, где лес. Лес – это топливо, им можно поддерживать огонь, а огонь – это младший брат солнца, а значит и жизни. Из стволов деревьев рыже-волосые тионцы делали землянки – Корке сам однажды видел, когда был на пастбище, и даже заходил в одну такую. Там тепло, ветер не продувает, никакой мороз не страшен. Такие жилища гораздо лучше приспособлены к холодам, нежели их юрты, сделанные из кожи. Корке попросит научить его строить такие дома. Тионцы – люди зимы, она им не страшна. Они помогут, обязательно помогут. И тогда можно будет выжить.

– Зима будет долгой, – ответил Корке, глядя прямо в глаза Таруну. – Лютой.

Задира холодно улыбнулся, с трудом выдержав тяжелый взгляд старика.

– Ничего. И не такое переживали, – с каким-то небрежным снисхождением ответил он. И чуть тише добавил: – Мерзнут только те, кто работой не обременен. Да старики, у кого сил уже не осталось. Чем они полезны нам? Ничем. Только хлеб почему зря едят. – Тарун вновь пронзил Корке прищуром ледяных глаз. – А молодые не замерзнут, у них кровь горячая. Им и дорогу, как говорится.

– Кровь и в самом деле у них горячая, – скупно кивнул Корке. – Да только ума еще мало – не нажили. Про стариков говоришь? Да я ведь тоже старик. Но сил еще не растерял. Могу, если надо, и на место поставить зазнавшегося сопляка.

Тарун стиснул зубы. Повернувшись спиной к остальным сельчанам так, чтобы не было видно рук, достал из-за пояса кривой нож. В открытую произнес:

– Корке, не доводи до греха, уходи по-хорошему.

– Решил запугать меня? – усмехнулся тот. Внутри клокотало от злобы, но старик держался из последних сил, не давая эмоциям завладеть собой. – Ну давай, попробуй, ударь меня ножом. Только не обижайся если сам напорешься на него – я щадить не буду.

Корке крепко сжал мозолистые кулаки. В былые времена он славился своей силой, одним ударом мог повалить на спину лошадь. Подковы голыми руками гнул. В бою ему не было равных, враг в страхе бежал прочь, лишь завидев свирепого предводителя степняков. Теперь же годы не те. Но выбить дурь из башки задиры еще хватит сил, всю пыль как из старого коврика вытрясти. Тарун заметно стушевался, спрятал нож. Прошипел по-змеиному:

– Твое время прошло.

– Тебе ли это решать?

– Мне! – с жаром выдохнул Тарун. – Мне! Люди выбрали меня. А от тебя отказались!

– Что? – не смог сдержать удивления Корке, бросил взгляд на сельчан. Те стыдливо опустили глаза, услышав слова Таруна.

– Выбрали? Это правда?

Никто не ответил.

– Когда же вы это решили?

– Решили, уж нашли время, – буркнул кто-то из толпы.

– Как же это...

– Обряд Кости проведен, Корке, – произнес слепой Закур. – Сайлау состоялся. Теперь Тарун наш вожак. Так решил народ. А ты... всему наступает когда-то конец. Мы не изгоняем тебя, но просим уйти. Пуст это будет нашей жертвой богам.

– Чем же я заслужил от вас такой... выбор?

– Не обижайся, Корке, – словно извиняясь произнес Тарун. – Наступили трудные времена. Песочный Шай-Нтан как проклятье нам, еще джут настал. Чтобы справиться со всеми трудностями, о которых раньше мы даже и не ведали, нужны свежие силы и кровь. Ты слишком... стар для этого. Не ради себя, но ради людей, пойми это. И прими. Ты многое сделал для своего племени, но время прошло. В новые времена нужны новые вожди.

– Красиво говоришь, – сказал Корке.

Тарун пропустил ехидную реплику мимо ушей, обернулся к людям, произнес, обращаясь как бы ко всем чтобы его слышали:

– Теперь ты чужак, Корке. Так решил народ, и значит быть тому, что решил он. Ты знаешь наш закон и порядки, чужакам здесь не место. Ты должен уйти!

Да, он знал закон предков. Знал слишком хорошо, поэтому и не стал продолжать тщетные попытки переубедить людей. Не получится. Бояться перемен, бояться неизвестности, бояться потерять то, что имеют, даже если это не так уж и ценно. Поэтому и поддержали Таруна в его желании избавиться от своего предводителя, предчувствуя вест об исходе.

Старик сжал кулаки. Переубедить не получится сейчас. Но потом...

– Богу виднее, – вздохнул Корке после некоторого раздумья. Оглядел всех, без злости. Громко произнес: – Я не хочу никого принуждать силой, да и не имею на это права, потому что вы все вольные люди. Так мы решили, когда пришли на эти земли. За это право мы бились насмерть, потеряли много своих близких людей. Значит так тому и быть и сейчас. Я лишь спрошу вас – кто хочет пойти со мной?

Ответ он конечно же знал наперед, слишком все понятно. Рассказать им про джут и про то, что будет дальше? Про голодную смерть и тяжелую затяжную зиму? К чему? Они знают про это не меньше него, но все равно останутся глухи, предпочитая мутной неизвестности привычную размеренную жизнь в ауле, пусть и более трудную. Они найдут тысячи оправданий своему страху. Но страх слеп.

Народ затих. Все опустили взгляды, деликатно покашливая и отмалчиваясь.

– Ой-бай, Корке! Не ругайся на нас, не думай ничего плохого! Зачем уходить? Зачем? Это наша земля, наша! – запричитала Сания, нарушив застоявшуюся тишину. – Мы здесь родились.

– Здесь и умрем! – не подумав добавил кто-то из толпы.

И сразу, как только было произнесено про смерть, все вновь поутихло. Неловкая пауза затянулась.

Корке еще раз внимательно оглядел всех, всмотрелся в серые уставшие лица, такие знакомые, родные, но теперь словно ставшие чужими, вновь подтвердив свою догадку – степняки никуда не уйдут. Кочевники, те кто в былые времена не засиживался долго на одном месте, нынче изменили самим себе, и останутся помирать здесь, словно пустив корни. В чем-то он даже понимал их, этих простых работяг, детей степи, на чью долю выпали столь сложные времена, поэтому ни обиды, ни зла не держал на них.

Ничего Корке им не сказал на прощанье, просто махнул рукой и ушел. Собрал на рассвете скудные пожитки, уместившиеся в одну заплечную сумку, и ушел на север,

«Это ничего, – сквозь горечь думал он. – Ничего. Пойду к тионцам, научусь строить зимние дома, узнаю все секреты и вернусь, обязательно вернусь, чтобы поделиться знаниями с людьми».

Но ветер сипло рассмеялся ему в ответ. «Не вернёшься. К чему живому возвращаться туда, где живых уже нет?»

Корке теплее укутал лицо в шарф и ускорил шаг, так и не найдя что ответить. Увязая по колено в снегу, пошел прочь.

До урочища Волчья Грива идти всего ничего – день пути. За ним открывается Великая Степь. Если преодолеть ее, то выйдешь к тионцам. Но и в летние дни пройти Степь было почти невыполнимой задачей, чего уж говорить о зиме.

Корке вздохнул. Не хотелось сейчас об это думать. Вообще ни о чем не хотел думать. Слишком горько было внутри.

Без того серое небо вдруг в один миг затянуло свинцовыми, полными снега, облаками, воздух стал кристально прозрачным, промерзая спускающимся с неба холодом.

Корке вовремя успел среагировать. Быстро отыскал под холмом в низине сугроб побольше, зарылся в него с головой, плечами и спиной обжал стены своего укрытия, одновременно расширяя их и уплотняя. Вход как следует заложил кусками прессованного снега, оставив лишь небольшую дырочку для поступления воздуха – чтобы не задохнуться. Едва успел управиться, как снаружи завывло.

Дикий рев убитой горем волчицы разнесся по округе, заставляя старика невольно сжаться в комок. Конечно же это ни какая не волчица, это метель, смертоносная, убивающая все живое на своем пути. Корке это хорошо знал – еще свежо было воспоминание как выюга в два счета превратила не успевшего укрыться жеребенка в мерзлый похожий на кожаный мешок труп. Ей хватило трех минут. А сколько ей понадобится времени чтобы превратить его, человека, в сосульку?

Стало заметно холоднее. Корке растер заочевенные руки, достал из рюкзака несколько промасленных лучин. Разжигать не торопился – не много толку будет от них. С маленького огонька ни согреться, ни воды вскипятить. Запалить бы костерок. Вот это было бы хорошо.

Корке начал долбить толстую ледяную корку под ногами. Там, под ней, если повезет, могут оказаться ветки или, если уж совсем удача решит побаловать его, карагач.

Повезло. Под толстым слоем промерзшего спрессованного снега обнаружился сухой куст можжевельника. Немного, но переждать выюгу хватит.

Старик наломал веточек, теми, что были влажные, устелил землю, сверху воткнул лучину, вокруг на подобии шалаша сложил палочки.

Костерок получился маленький, но хватит и его. Лучина горела ровным маслянистым и каким-то ленивым пламенем. Отсыревшие ветки вокруг нее по-змеиному шипели, не желая разгораться.

В железную кружку Корке напрессовал снега и начал греть на огне. Пока кипятил воду немного согрелся. Долго сомневался, прежде чем бросить в кипяток заварку – прошлогодний травяной сбор. Уж слишком дефицитная вещь по нынешним меркам. Но в итоге все же выделил для себя крохотную горсточку, только чтобы затемнить воду.

Пустой чай из снега оказался не самым изысканным угощением, но даже такой сейчас пошел с удовольствием, отогрел промерзшее тело, немного взбодрил. Стало хорошо.

Корке сидел на заплечном мешке, шумно швыркал из кружки чай, время от времени подогревая его на огоньке и думал. О дальнейших планах, о том, как скоро еще до урочища Волчья Грива, где всегда имеются хоть и скудные, но все же запасы провизии. Думал, о чем угодно, но запретил возвращаться памятью в прошлый день – слишком горяча еще была голова, трезво рассудить случившееся пока не получится. Вот улягутся эмоции, придет спокойствие мысли, тогда и стоит обдумать это. А пока – только вперед, ни шагу назад.

Глава 3

Утром его разбудил хозяин ночлежки.

– Время вышло, – произнес он каким-то замогильным глухим голосом.

– Что? – растеряно спросонья спросил Ардус.

– Ваше время вышло, – повторил тот, указывая на окно, за которым начало только-только начало подниматься солнце. – Вы брали комнату на три веретена¹. Ваше время вышло.

Парень потянулся, прислушался к звукам, доносившимся со двора. Глухо брехала собака, лениво кудахтали куры, сопел похрюкивая поросенок. Ардус мгновение размышлял – не доплатить ли еще, чтобы вздремнуть чуток? Вставать так не хотелось. Но потом, взвесив все «за» и «против», отказался от столь заманчивой идеи.

«Деньги любят бережливых» – любимая присказка отца. В данный момент она была как никогда актуальна.

– Хорошо. Уже ухожу.

Пока Ардус собирал свои вещи, хозяин ночлежки, не отрывая взгляда, и даже, казалось, не мигая, следил за ним. Блеклые глаза не выражали никаких эмоций, а сам хозяин, если бы не его хриплое с присвистом дыхание, мог запросто сойти за каменное изваяние. Пытаясь скрыть заполнить тишину, парень робко спросил:

– Извините, вы не подскажете, где здесь можно найти конюшню? Мне нужно добраться до Амальтара, чтобы...

Хозяин шумно втянул воздух ноздрями, словно собираясь как следует чихнуть, тем же гробовым голосом произнес:

– В двух кварталах выше есть почтовая станция. Раз в неделю оттуда отправляется экипаж. Как раз сегодня день отправки. Если поспешите, то можете успеть.

Без лишних слов парень схватил сумку, поблагодарил хозяина и выбежал на улицу.

В утренние часы Заррия представляла собой не такое страшное место, как ему показалось вначале знакомства с городком. С противоположной улицы шли две доярки с кувшинами молока, пели веселую песенку. Завидев его, переглянулись друг с другом и рассмеялись, стеснительно пряча взгляды. Ардус неуверенно помахал им в ответ, от чего те вновь прыснули от смеха. И чего он так ругался и проклинал это селение вчера? Вопле себе нормальный.

Почтовая станция представляла из себя выкрашенный в черное деревянный дом с огромной табличкой, на которой на непонятном диалекте было что-то нацарапано. Возле строения крутился худощавый большого вида мужичок, таская огромные тюки и укладывая их на повозку, при этом ругаясь так затейливо и необычно, что парень невольно заслушался.

– Чего тебе? – в лоб спросил мужичок, приметив стоящего.

– Простите за беспокойство... – Ардус подошел ближе, деликатно кашлянул: – Просто я хотел...

– Табачком не богат?

– А? Нет, я не курю.

– Иди тогда куда шел, мальчик, некогда мне тут попусту разговоры вести. Выезжать уже надо, а почта не загружена. Сколько раз говорил им, крысам тыловым, готовьте все с вечера. Нет, растуды их, все на последний момент откладывают! А честные люди потом страдают. Праздник, видите ли, у них! Мордоширокие кишконабиватели! А мне, может, тоже праздника

---

¹ Мера времени, распространенная больше в западных районах Энгарийской империи и равная около 2,5 часам, то есть время, за которое прядильница прядёт определенное количество пряжи.

охота! Но я же не напиваюсь по любому поводу! И не потому, что денег нет! Просто держу себя в руках. Дело должно быть на первом месте. Правильно я говорю?

– Правильно, – совсем уж неуверенно ответил Ардус, даже не понимая, о чем сейчас толкует собеседник. – Я просто хотел попросить с вами поехать. Вы ведь в Амальтар путь держите?

– В Амальтар, – кивнул мужичок, остановившись перевести дыхание. – И что с того?

– Возьмете меня с собой? Я заплачу.

– Заплатит он, – пробурчал почтовый рабочий, скосив взгляд куда-то в сторону. – А знаешь ли ты, что не положено мне по уставу попутчиков брать? Почта – это вам не просто так. Строго все тут, по Уставу, раздери его собаки. Порядок нужен в этом деле! Этак если каждый встречный будет ко мне в повозку проситься – подвези да подкинь, – во что почта превратится? Правильно – в бардак! Сечешь?

– Я заплачу. Мне правда надо.

Мужичок тяжело вздохнул, почесал заросшую щетиной шею.

– И во сколько же ты оцениваешь мои услуги?

Ардус, не зная сколько это может стоит, назвал первое, что пришло в голову, готовый, впрочем, сразу же поднять цену как минимум вдвое.

– Три медных. Этого хватит?

– Так что же ты молчал-то раньше! – радостно воскликнул мужичок, потирая ладони. – Три медных – это, знаешь ли, хорошая цена. Сразу вижу, уважаешь труд почтальонов. На три медных можно знаешь сколько табаку купить? Много! Меня, кстати, Бальтиром зовут, но все кличут Куцым.

– Ардус.

– Давай, парнишка, лезь в телегу, скоро поедим. Только, – назвавшийся Куцым замялся, словно бы подбирая нужные слова. – Денежку давай сразу. Так сказать, на переправе рассчитаемся. Положено, не я это придумал, устав, сам понимаешь, такие дела.

Ардус кивнул. Достал нужную сумму, отдал почтальону. Тот дрожащими руками принял плату, не сдерживая эмоций, радостно запел:

– Табачок ты мой чудесный, будет день прелестный! Будет день прелестный! Табачок чудесный!

Потом, вспомнив что работа еще не выполнена, махнул рукой парню, мол, садись, и продолжил загружать повозку.

Но прошло времени, за которое порядочная женщина сможет связать не одну пару носок, а Куцый все и не думал отправляться в путь. Без умолку болтая, перескакивая с одной темы на другую, он постоянно на что-то отвлекался и снаряжал повозку крайне медленно. Не выдержав нудной болтовни спутника, Ардус начал деликатно подгонять его, потом и вовсе принялся помогать почтальону.

– Казалось бы, кто тут грамоте обучен, в глуши такой? – не унимался Бальтир, скрепляя сумки между собой пеньковой веревкой. – А видишь, мешок целый писем сообразился. Видать, не все еще потеряно, ага. Не такие уж мы и дураки получается. Я ведь правильно говорю? Правильно. А, кстати, знал ли ты, что в Заррии самый лучший табачок продается? Вот знай. А еще...

Выдвинулись в путь не скоро, когда солнце уже светило высоко над головой. Погоняя лениво идущую и спотыкающуюся кобылу, Куцый вновь принялся рассуждать о разных вещах, значения которых порой и вовсе не знал.

Пройдя главную улицу, свернули в проулок, проехали несколько прижавшихся друг к другу ветхих домов. Едва не перевернувшись, скатились с косогора, повстречав навстречу вусмерть пьяного пастуха. Он мычал, пытался что-то показать, грозил кулаком, но не смог даже подняться с колен. Пейзаж стал быстро редеть, последние строения, уже давно брошенные,

исчезли за деревьями, сменяя вид на еще более унылый, обреченный. Поднимая до неба клубы едкой пыли, повозка миновала границы поселения, въезжая в пустынные земли.

Ардус благодарно осенил себя святым знаменем, облегченно вздохнул, вдруг почувствовав радость что покидает этот богом забытый городишко, в котором пришлось ему провести всего лишь одну ночь. Знал бы что тут будет его ждать, навязался бы с ходаками лишнюю сотню лиг пройти. Сделал крюк, но добрался бы в душевном спокойствии.

«Это было испытание», – внезапно словно бы из ниоткуда пришла в голову мысль. «Испытание веры».

Ардус оглянулся, внимательно всмотрелся в плывшие мимо однообразные пейзажи. «Всё, что ни случается с нами – испытание нашей силы. Силы преданности и веры», – вспомнил он начальные слова из Третьего Завета.

«Пусть будет так», – согласился сам с собой парень, откинулся на тюк и, рассматривая кристально голубое небо, вдруг почувствовал, что проваливается в его глубину, не в силах что-либо поделаться с собой. Прошлую ночь выспаться на каменном матрасе не удалось и теперь сон медленно подступал к глазам. Парень начал зевать и клевать носом.

– А ты сам откуда будешь? – нарушил тишину Куцый, ловко правя повозкой меж камней и ухабов.

– Лугад, – лениво ответил Ардус.

– Ого! – присвистнул почтальон. – Дык это же почти у самого Чернокрая будет!

– Так и есть, – кивнул головой парень, вновь зевая. – Но ничего в этом нет такого жуткого. Обычный городишко. Придумали просто всяких слухов про него.

– Ну не знаю, – покачал головой Куцый, забивая трубку. – Может и придумали, а может и... Не мне решать. Но много чего толкуют, все больше плохого. Не даром же те места Чернокраем кличут.

– Так зовут, потому что там кругом угольные шахты. Все дома в пыли угольной. Вот и называли так. Не более.

Куцый долго раскуривал трубку, пыхтя и сплевывая табак, наконец, когда из чаши занялся сизый густой дым, как следует затянулся и с довольным видом выпустил клубы дыма.

– Не мне судить, но я вот думаю, что коль называли Чернокраем места те, то не просто так. Народ ведь истину подмечает.

Почтальон пыхтел трубкой, жевал нижнюю губу, все не решаясь спросить мучивший его вопрос. Ардус тоже молчал, наслаждаясь столь редкой для такой компании болтливости человека тишиной, и не спешил давать новый повод для очередного потока болтовни.

Но умиротворение длилось не долго.

– А что, и в правду говорят, что у вас на угольных шахтах мертвецы, ожившие работают? – спросил старик, подгоняя лошаденку. – Будто бы их местные некроманты оживляют и используют?

Ардус улыбнулся.

– Нет, не правда. Нет у нас никаких некромантов, сказки все это. И мертвецов оживших тоже не имеется. А на шахтах заключенные трудятся. Каторжники. Убийцы да насильники всех мастей. И правильно, туда им и место!

– Видать, брешут про мертвецов-то, – задумчиво с какой-то тоской сказал Куцый, глядя вдаль.

– Брешут, – махнул головой парень, выискивая в своем заплечном рюкзаке чего-нибудь перекусить.

Нашел краюху хлеба, повертел в руках, колеблясь. Спрятал обратно. Терпимо еще, чтобы последние запасы подьедать. А до ближайшего поселка кто знает сколько еще пути? Куцый все как-то уклончиво отвечает и тему переводит.

– Я давно, еще по молодости, – улыбаясь, продолжил почтальон. – До того, как почту подвязался тут доставлять, уголь этот самый возил. Но только не с самой шахты. Туда никого не пускали из посторонних, тем более с других земель. Вывозили лиг за двадцать, к самой границе, ссыпали горами огромными на просеках, да оттуда уже и мы и волокли. Дадут тебе накладную грамоту на полную телегу, вот и везешь себе, едва оси не ломаешь. Разное бывало. Уж и руки человеческие в угле этом находили, и прочие конечности. А пальцы практические в каждом обозе имелись. Жуть! Видать оттуда и пошла эта байка. А иначе как такое могло там оказаться?

Ардус, хоть и не доводилось ему ни разу быть в самих шахтах, часто слышал от взрослых истории о том, каким нелегким трудом добывалось горючее. Бывали истории и совсем уж жуткого толка.

– Телегами отрывает, – пояснил парень. – И рубилами.

– Телегами?! – не смог скрыть удивления Куцый. – Как это так? Это же под землей они роют, как туда телега то пролезает?

– Так и пролезает. По её размерам и роют шахты. Когда рабочие вниз спускаются, то на них порожних едут, а обратно, когда обозы полные угля, уже пешком топают, возле. Проходы маленькие, телеги груженные, тяжелые, вот и задевает людей, и подминают под себя.

– Во дела! – присвистнул Куцый. – А ты откуда знаешь?

– Отец работает там, – нехотя ответил парень. – Надзирателем. Далеко еще ехать? – стараясь сменить тему, спросил он. – Перекусить бы не мешало.

– Не мешало бы, это точно, – охотно кивнул старик. – Я вот табачком это дело, хорошо голод притупляет, а все равно пустота в животе уже ощущается. Да только долго еще ехать. Считай кладбище еще даже не проехали.

– Какое кладбище? – насторожился Ардус.

– Человеческое, – просто ответил тот. Хитро прищурился: – А ты что же, боишься, небось?

– Ничего я не боюсь!

– Это правильно. Я считаю так – коль умер человек то и конец. А все эти сказки про душу, про небесные наслаждения – ерунда! Ну какая душа? Разрежь человека, загляни к нему внутрь – нет там никакой души.

– А вы заглядывали? – спросил парень.

Куцый запнулся, прикусил язык. Поняв, что сболтнул лишнего, торопливо ответил:

– Нет, конечно же! Это я так, образно говорю. Образно. Всем известно – беспокойство человеческой плоти после её смерти карается законом.

– Смертной казнью карается! – уточнил Ардус с нажимом. Ему приятно было смотреть на замешательство и растерянность спутника. Ничего, пусть поволнуется, полезно ему будет. Может быть, теперь он заткнется?

– Смертной, – закивал тот головой. От греха подальше быстро раскурил уже было потухшую трубку и стал пускать клубы дыма, дабы не сболтнуть еще чего.

Миновали небольшой проселок, съехали в широкую низину, пахнущую болотом. Лошадь заметно занервничала, начала брыкаться.

– Чего это? – не удержавшись, спросил Ардус.

– Чует животное.

– Что чует?

– Да что мимо кладбища едем.

– Да где же тут кладбище? – оглянулся парень.

В округе, кроме густо поросших мхом валунов да скрученных больных деревьев, оплетенных удушающей травой, ничего не было. Сидя на прошлогоднем валежнике, хлопая крыльями, хрипло ухала какая-то птица, изредка взвизгивая, заливисто, с захлебыванием. Место

больше напоминало заросшую падь, навевая нехорошие чувства. – Ни плит, ни знаков покойных нет.

– Нету, – кивнул Куцый. – Потому что тут грешный люд испокон веков хоронили. Им по церковным делам не положено ставить покойные знаки.

– Знаю, – хмуро произнес парень.

Почтальон натянул вожжи, громко скомандовал:

– Пр-р-р! Стой, Хромая!

– Зачем мы остановились? – еще больше напрягся Ардус.

Куцый хохотнул.

– Да ты не переживай, если мысли какие дурные тебя одолели. Я же не грабитель, такими делами не промышляю. Сейчас отдам полагающийся налог за пользование дорогой и дальше поедем.

– Какой еще налог? Нет таких налогов.

Куцый вздохнул.

– Это у вас нет. А у нас есть. Местный, так сказать, налог.

– Бандиты? – догадался парень.

– Ну да. А как иначе? Житья же не дадут. Ну хватит разговоров, сидит тихо! Неча их понапрасну злить.

– Как же?..

– Цыц сказал! – шикнул почтальон, сам начиная заметно нервничать. – Бандиты, не бандиты – какая тебе разница! Малой еще чтобы соображать и размышлять по таким темам! Я же не со своего кармана плачу. Еще бы со своего платил! Ха-а! А ты лучше бы спрятался от греха подальше. Мало ли. Они чужаков не любят.

– Куцый! – гаркнул кто-то вдали.

– О! И вам доброго здоровьица, Гиафий! Как ваша селезенка? Не болит ли нынче? Не давит ли? Уж очень, говорят, для этого дела хорошо помогает настойка из крапивы. Непременно попробуйте! Если хотите, я в следующий раз захвачу.

– Деньги привез? – оборвал его тот, кого Куцый назвал Гиафием.

– Конечно же, привез, а как иначе? Вот тут у меня, в кармашке, всё как положено. Монетка к монетке. Сейчас достану. Извольте.

Ардус, спрятавшийся в крытой части обоза, попытался незаметно сквозь щель разглядеть незнакомца. Голос показался парню знакомым. Рассмотреть не получилось, но как только тот вновь заговорил, парень с ужасом узнал его.

– Что-то не в настроении сегодня вы? – спросил Куцый, протягивая плату.

– Не твое собачье дело! А будешь нос совать куда не надо, я тебе его живо тесаком укорочу. Хочешь?

– Нет, не надо! Не хочу.

Чтобы подтвердить свои жуткие догадки, Ардус вновь зыркнул в щель. Удалось разглядеть толстую волосатую руку, часть засаленной рубашки, пояс, на котором болтался огромный тесак с пятнами засохшей крови.

«Да это же тот... из Рыбного квартала!», – белея от страха, понял Ардус. Чувство самосохранения подсказало не издавать лишнего шума. Лучше вообще не дышать.

– Чего везешь? – спросил головорез, подходя к обозу.

– Да как обычно – письма, посылки, кое-что из вещей – управляющий городской ратуши попросил передать кое-чего из лекарств в Эарликон. Говорят, в деревушке совсем туго стало – болезни так и косят жителей.

– Ну-ну, – процедил бандит. – А пацаненка случаем не видел такого, не из наших, черненький такой?

– Пацаненка? – немного заикаясь, переспросил Куцый.

– Ну да, пацаненка. Договорить с ним не успел – убежал он. Не хорошо это получается.
– Не хорошо, – закивал головой Куцый. – Но нет, не видел я никого. Мое дело, сами знаете, маленькое, кати себе до станции, грузи обоз и обратно. Так и живем. Такова жизнь почтовая.

– А ну-ка, ущербный, слезь-ка с телеги своей.

– Зачем?

– Слезай давай живо, плешивый! – зарычал головорез и Куцый мигом спрыгнул на землю.

– Говорю же, нет там никого... – начал оправдываться он.

– Заткнись! Ему других путей нет, кроме как с тобой ехать. Он ведь на учебу едет. А отсюда только твой обоз катает. Что, не прав я?

Головорез усмирил старика крепким тычком в живот. Куцый согнулся, застонал. Бандит подошел к обозу, лениво постучал ногой по колесу. С усмешкой в голосе произнес:

– Сам выйдешь, или мне тебя достать? Думал уйти от меня? Вроде смысленный ты парень, а вон как поступил. Хорошего человека обидел, убежал, не попросившись даже. Не по-божески это.

Ардус молчал, боясь шелохнуться. Сердце едва не выпрыгивало из груди.

– А ну, вылезай! – уже заорал во всё горло толстяк, вновь стукнув по колесу и занеся над головой оружие.

Парень прикусил губы, едва сдержавшись чтобы не закричать от страха. Вот же влип!

– Нет, каркас только не руби! Он денег стоит! – взмолился Куцый, с трудом поднимаясь с земли. – Не порти мою телегу! Там он, внутри пацан этот. Забирай его, только телегу не руби! Я бедный старик, у меня больше ничего нет! Забирай мальчонка, а меня отпусти! Я тебе всегда по чести деньги отдаю.

– А говорил, что никого нет у тебя, – зашипел головорез. – Врал, гнида!

Мощный удар – и Куцый вновь упал на дорогу.

Бандит наотмашь рубанул по парусине, обтягивающей обоз. Вжик! Лезвие пронеслось над самым лицом, Ардус едва успел отскочить в другой край телеги. В прорезе показалось знакомое круглое лицо с обвислыми щеками. Пороссячьи глазки, заметив паренька, заблестели.

– Вот ты и попался! – растянулся в улыбке головорез. – А убежать не надо было от меня! Я же ведь не хотел тебя убивать. Но теперь придется – сам понимаешь, дело чести, обязан.

Увидев в руках бандита огромный тесак, парня вдруг взяла оторопь. Во рту пересохло, а голова словно наполнилась дорожной пылью. Он отчетливо понимал, что надо что-то сделать чтобы спастись, но не мог пошевелить и пальцем.

– Иди сюда, парнишка! – пыхтя, бандит по пояс влез внутрь. – Ну же, смелей!

В лицо пахло горячим смрадным дыханием. Тошнота подкатила к горлу, Ардуса пробила мелкая дрожь. Он дернулся, попытался увернуться, но не успел. Бандит схватил его за ногу и одним рывком словно тряпичную куклу вытащил наружу.

Парень рухнул на землю рядом с постанывающим стариком.

– Щенок! – остервенело прошипел толстяк и пнул Ардуса в бок. – Думал убежать от меня! От меня просто так еще никто не уходил!

Еще удар.

– По-человечески же с тобой хотел, а ты вон как поступил. Теперь я тебя точно не отпущу. Прирежу как свинью. Будешь визжать и умолять о пощаде. Но никакой тебе пощады не будет.

Еще удар.

– Где его сумка? – обратился он к старику.

Куцый что-то зашамкал, но внятно ничего не смог ответить. Бандит злобно сплюнул под ноги.

– Ладно, сам найду. Когда выпущу этому подонку кишки наружу.

Звякнул тесак. Головорез ухмыльнулся. Любуясь лезвием оружия, смакуя произнес:

– Нашинкую тебя на кусочки. Заодно и пообедаю. Давненько молодого мяса не ел.

Ардус уже смутно помнил себя. Все перед глазами начало плыть, в ушах зашумело. Низ живота от страха стянуло в тугой узел.

А потом словно что-то щелкнуло в голове. Не чувствуя ни страха, ни боли от ударов ногами, Ардус схватил с земли камень – треугольный ребристый и острый со всех сторон кусок скальника, – и с диким криком прыгнул на голову реза.

Бросок вышел не таким удачным как хотелось, но сыграла внезапность. Бандит просто не ожидал что жертва попытается дать отпор, за что и поплатился. Удар пришел в висок. Голово-рез взвыл, схватился за окровавленную голову, упал на одно колено.

Но быстро пришел в себя, зарычал. Глаза его налились кровью. Ардус вдруг понял, что еще мгновение и его просто разорвут на части. Поэтому вновь атаковал первым. Неумело размахнулся, собираясь нанести второй удар. Но удара не получилось. Толстяк отклонился, камень пролетел в двух пальцах от подбородка голово-реза, задев острым краем тому лишь шею.

Бандит довольно улыбнулся. Попытался рассмеяться, но не смог – из горла вырвался только вороний клекот. А потом складки шеи разошлись, обнажая тонкую красную линию раз-реза. Острый скальник как лезвие рассек плоть, перебив артерию. Из раны фонтаном брызнула ярко алая кровь.

Парень так испугался, что едва успел погасить невольное желание подбежать к голово-резу и помочь остановить кровь. Стоять! Тесак все еще находился в руке у бандита и выпускать он его не собирался. А дать еще отпор Ардус просто не сможет. Голову словно стянуло железным обручем. Вновь подкатила тошнота. Стало холодно и противно, словно наглотался слизней. Ноги едва не подкосились, потеряв всю прочность, разом одряхлев. Вдруг захотелось упасть и уснуть, откинув все. Проспать пару дней, а потом проснуться и понять, что это был всего лишь сон.

Но это был не сон. Ардус прекрасно это сейчас понимал.

На ране голово-реза вспучивались и с омерзительным чмоканьем лопались влажные липкие пузыри, кровь уже не хлестала. Бандит завалился на землю, удивлено посмотрел на парня, пытаясь что-то произнести, но лишь открыл и закрыл рот подобно рыбе. Потом дернулся, затих.

– Мать честная! Да ты убил его! – севшим голосом прошептал Куцый, схватившись за голову. – Ты чего наделал? Ты же убил его! – и словно осозная смысл сказанных слов затряс головой. – Я не буду молчать – мне это ни к чему. Я не хочу на шахтах в Чернокрае всю оставшуюся жизнь уголь копать. Нет! Не дождешься! Я все расскажу, как было! Господин судья меня обязательно выслушает! Я расскажу ему как все было на самом деле! Что почтенный господин Гиафий хотел лишь только заглянуть внутрь телеги, как заносчивый юноша выхватил его оружие и прирезал как собаку! А я в это время стоял далеко от телеги и не успел дать отпор. Просто не успел! Я ни в чем не виноват.

Слова испуганного старика действовали на Ардуса как наркотик, что так любят шахтеры Чернокрая. Глаза застил туман, в голове что-то вспыхнуло грязно-красным – то ли ненависть, то ли страх вперемешку с паникой. Еще до конца не осознавая, что он делает, парень подошел к старику, схватил трясущейся рукой за шиворот. Хотел закричать ему прямо в лицо чтобы тот не смел врать о случившемся и рассказал все как было на самом деле, но не смог произнести ни звука.

Старик не унимался и впал в истерику:

– Я все расскажу! Как было на самом деле! Мне нет резона на шахтах мучиться. Это у тебя там отец надзирателем работает, тебе нечего бояться. А я не хочудохнут! Не хочу быть покалеченным телегой. Мне моя шкура дорога. Все расскажу, как было. Пускать тебя судят. Ты молодой, тебя лет через двадцать отпустят, а я уже старый, мне спокойно свой век охота дожить!

Истерический трёп старика окончательно затмил разум Ардуса. Паника змей обвила горло, не давая опомниться. Рука, все это время державшая тесак, поднялась над головой.

– Что ты? – вытянулся в лице почтальон. – Что ты? А ну не дури! А то...

Договорит старик не успел. Тесак со свистом рассек воздух, с чавканьем глубоко вошел в шею старика. Куцый взвизгнул, начал вырываться. Из раны хлестанула кровь, не так сильно, как у бандита, но хватило и этого чтобы обрызгать почтовый обоз. Куцый рванул в сторону, начал забираться в телегу, но быстро ослабел, обмяк, повиснув на борту. Лишь ноги его иногда трястись в предсмертных судорогах, от чего лошадь, все это время мирно стоявшая рядом, начала вздрагивать и фырчать.

Ардус выронил оружие, сделал шаг назад. Все поплыло, земля накренилась, резко вырвалась из-под ног. Потеряв сознание, парень упал на землю.

Глава 4

Метель кончилась также внезапно, как и началась. Задремавший Корке вдруг понял, что не слышит привычного заунывного воя и всё вокруг объяла покойная тишина. Даже стало страшно – не умер ли он, замерзнув в своем убежище? Подскочил и тут же повалился вниз. После долгого сидения ноги совсем затекли и теперь стали как соломенные. Боль тысячью жал прошла до самых бедер. Старик сморщился, едва сдержав стон, начал растирать мышцы.

«Это даже хорошо, – подумал он. – Болит – значит еще живой, помучаюсь немного на этом свете. Только мёртвые ни на что не жалуются».

В ожидании конца метели ему приснился сон: его аул, и вновь он стоит напротив всех, уже связанный, с кляпом во рту и ничего не может поделывать, только смотрит на людей и слушает, что они говорят.

– Это из-за тебя на наши земли обрушился Песочный Шай-Нтан и выжег все добротные пастбища. Это из-за тебя на наш аул пришли все несчастья, бандиты и мародеры, утащившие половину скота и убившие наших мужей. Это из-за тебя на наши земли пришла Долгая Зима и джут.

– Так ведь он и есть джут!

– А ну бей его! В морду ему!

– Джут! Джут!

– Джут!

Корке протер лицо снегом, сгоняя дурной сон. Боль в ногах отпустила, значит можно идти дальше.

Выбраться из убежища с первого раза не получилась – много снега намело. Пришлось долго откапываться. Но когда он вылез из укрытия как медведь из своей берлоги, лицо приятно обдало теплотой. Спокойная погода продержится до вечера – понял старик. А потом... уж лучше ему добраться до зимовья, иначе никакие ухищрения и прятки в сугробы не помогут.

Старик прочитал знаки. Он умел их видеть и расшифровывать с раннего детства – отец научил, и эти знаки – поведение птиц, вид и высота плывущих облаков, колыхание верхушек деревьев, шепот ветра, – четко говорили об одном – вечером в мир явятся «ледяные змеи». Корке едва слышно выругался. До Волчьей Гривы десять часов пути, можно не успеть до заката. Да даже если и сложилось бы все иначе, и не ожидалось бы «ледяных змей», быть в ночном лесу одному, без хорошего оружия – последнее дело. Волки, будь они не ладны, нынче голодные и злые как никогда. Разорвут на части за считанные мгновения.

Надо поспешить. Есть тропы – старик знал их, – по которым можно срезать путь. Там небезопасно, но рискнуть стоит.

О «ледяных змеях» Корке узнал пару лет назад. Путники с других аулов рассказывали о загадочных и жутких явлениях, происходящих зимой в их селениях. Говорили о злых духах, похожих по своей форме на змей, приходящих после заката с холодами. Призраки не нападали на людей, и даже не двигались, просто расстилались по дороге словно аспиды, вылезшие погреться на солнце. Они и вид-то имели едва заметный, полупрозрачный, похожий на кусок подтаявшего льда. Но стоило прикоснуться к ним, как их яд мгновенно проникал в тело жертвы и умерщвлял, не оставляя даже шанса на спасение.

Корке едва ли поверил в эти рассказы захмелевших путников, если бы и сам однажды в одной из вылазок в город не увидел полупрозрачный трепыхающийся у дороги тонкий шнурок. Впереди идущая лошадь, едва задев его, тут же вздыбилась и упала. Потом уже, когда животное умерло, Корке обнаружил, что та часть тела, которая прошла сквозь «ледяную змею», промерзла до самой кости.

Пробираться сквозь снежные заносы было тяжело, но Корке, несмотря на усталость и боль в ноге, шел вперед, не забывая поглядывать по сторонам – не видать ли вдали волков или еще каких неприятностей? Волков не было. Степь, до самого горизонта, пустовала. И даже ветер затих. Не хороший знак. Если нет в степи ветра, пусть самого слабого поветрия – жди беды. Это древний знак, знакомый каждому степняку. Сама природа предупреждает об опасности – затевается что-то недоброе.

Корке насторожился, как мог ускорил шаг, но идти по заметенному насту было тяжело. Не мудрено, что через некоторое время он, тяжело дыша, едва не теряя сознание, повалился от усталости в снег.

«Не загоняй себя, старик, – подумал старик, жуя снег. – Убежать от себя все равно не получится».

– От себя? Я не бегу от себя! – вдруг произнес он вслух. И рассмеялся тяжелым надрывным смехом. – Дожил – разговариваю сам с собой!

От себя. От себя, Корке. Ты бежишь от себя. Ты знал, что все так обернется. Знал, но боялся признаться в этом сам себе. Зачем народу немощный старый вожак, когда есть молодой, пышущий жаром и силой? За ним пойдут, пусть хоть на край бездны, и дальше. А за тобой уже нет, даже если этот путь единственный к спасению. Так устроены люди. Им нужна уверенность. А у тебя её нет. Растерял всю со смертью Агилы.

Корке схватил горсть снега и остервенело начал размазывать его по лицу и голове.

«Нет! Прочь мысли! Гнать взащей! Иначе пропаду! Надо идти вперед, не думая ни о чем. Позволить себе жить прошлым, все равно что прыгнуть в трясины – засосет и не заметишь. А нужна дорога, твердая и без ям. Неважно куда она приведет – конечной точки все равно нет. Важна сама дорога, если по ней приятно идти – значит это дорога твоего сердца».

Прежде чем исчезнуть, внутренний голос задал вопрос, который копьём пронзил Корке насквозь: та дорога, по которой ты сейчас идешь, является ли дорогой сердца?

Корке беззвучно заплакал. Воспоминания, так старательно забытые, припрятанные на самую дальнюю полку, вдруг с новой силой обрушились на него, царапаясь и раздирая едва зажившие раны.

За секунду до роковых последствий Корке понял ошибку, которую так беспечно допустил, но было уже слишком поздно.

Стрела вошла в плечо.

Старик дернулся, упал в снег. Попытался отползти, но от пронзительной нестерпимой боли в глазах потемнело, и он едва не потерял сознание.

Вновь свистнула стрела, но прошла мимо, со звоном вонзившись в ледяную глыбу.

«Держись!» – приказ он себе, с силой загоняя в легкие воздух. «Держись и не дергайся! В лежащего сложнее попасть. Да и к тому же меня закрывает сугроб»

Так он и сделал, притаился в снегу, с трудом заставил каменные мышцы расслабиться.

Стало чуток легче. Если лежать и не шевелиться, то вроде даже и боли нет, только ощущается как что-то теплое по плечу расползается и быстро остывает на холоде. Кровь.

Свистнула третья стрела, но ушла поверху.

«Вот тебе и поворот! Совсем ты, старик, одряхлел и мозг у тебя как простокваша стал! Не уследил охотника! Ошибка юнца. Какой позор! Какой позор! Не даром тебя погнали с аула!»

Плечо опять начало жечь, словно тысячи пчел вдруг разом ужалили его в одну точку. Вот ведь угораздило! Чуток левее – и можно читать поминальную молитву. А так есть шанс выкарабкаться. Только вот кровь надо остановить. Запах крови для многих здесь является сигналом выйти из спячки на охоту. А он слишком желанная добыча – ранен, но еще живой, мясо парное, не стывшее, от такого обеда тепло долго в теле остается. Лакомый кусок.

«Старый я уже, какое там мясо? Жилы одни, да кости, не угрызёшь», – не весело подумал Корке и, скрипя зубами от боли, зажал ладонью рану. Стрела мешалась. Поэтому он решил

обломать её. Едва не воя, перехватил удобнее стрежень и резким движением сломал. В глазах потемнело, а изо рта невольно вылетел стон.

По хрусту снега Корке понял, что охотник поменял позицию, затаился у дальнего холма. Будет терпеливо выжидать, когда жертва либо выйдет сама из своего укрытия, либо истечет кровью и умрет. Молод значит еще, не опытен. Не стал добивать наверняка, выбрал не самую лучшую тактику. Значит есть немного времени обдумать дальнейшие действия.

Корке умыл взмокшее лицо снегом, сделал глубокий вдох и перевернулся на живот. Боль пронзила руку, но старик, стиснув зубы, не проронил ни звука. Не шуметь. Оставить ложные метки, а самому уходить, на сколько хватит сил.

А на сколько их хватит? – возник резонный вопрос. В лучшем случае, если охотник его не заметит, удастся пройти до тех дальних торосов. Потом придется преодолевать их, а это, учитывая его раненую руку, будет весьма проблематично.

«А может, воспользоваться «хватом»?» – проскользнула вдруг шальная мысль.

«Нет! Ты же обещал людям и самому себе, что никогда не будешь использовать свой дар и свое проклятье. Или забыл, что случается, когда ты используешь его?»

Нет, он не забыл. Помнил, слишком хорошо все помнил, словно вчерашний день. Помнил испуганное лицо Баура, все испачканное в крови, помнил ободранные черные руки Сатха, помнил истошные крики Укарта. И помнил прежде всего глаза Агилы, смотрящие будто бы сквозь него, в небо, и остывающие. Помнил он и свою беспомощность, и злость на самого себя, что никак не может помочь своей жене. Он все помнил, слишком хорошо помнил. А так хотел забыть.

Со стороны Козьей Сопки раздался женский крик.

Корке встрепенулся, едва не подскочил на ноги. Но пронзающая плечо боль быстро привела его мысли в порядок. Старик ткнулся лицом в снег, глухо застонал. Что? Женский крик? Ты в своем уме? Откуда тут...

Крик повторился, уже отчетливый. Уже можно было различить отдельные слова. «Помогите» – было одним из них.

Здесь нет сел, на лиги вокруг – мертвое белое безмолвие. И лишь охотники, чей промысел охотиться на зверье, изредка заглядывают сюда. Но женщины.... не может этого быть.

– Помогите! Помогите!

Корке вновь дернулся, интуитивно, не отдавая себе даже отчета в этом.

«Стой!» – завопил в голове голос разума. – «Это галлюцинация. Еще одна ловушка».

Ловушка? Но чья? Охотника? Это что же получается, охотник – девушка? Верится с трудом.

Корке скривился, сплюнул густую слюну в снег. Кого же это там черти принесли?

«Беги!» – вновь ожил разум. – «Со всех ног беги. А девушка, что тебе с нее? Ты не охотник, человечинкой не промышляешь, да и насчет остального поздновато уже».

А с ней что же станет? Пропадет ведь!

«Да и шут с ней! Тебе-то что с того? Сама ошиблась, пусть теперь и расплачивается сполна».

– Помогите!

Корке приподнялся на колени, отдышался, переживая пока спадет первая волна боли.

«Как ты собрался ее спасти? Ведь даже оружия нет...»

Старик стиснул зубы, тряхнул головой, отбрасывая все мысли прочь. Они теперь ни к чему, могут только помешать. Выбор сделан – иди и действуй, думать будешь потом, когда все исполнишь.

Шаг. Два быстрых выдоха. Глубокий вдох. Еще шаг. Вдох. Выдох. Все, боли нет, она ушла на второй план. Потом она вернется с утроенной силой, но это будет потом. Теперь важно только одно. Шаг. Два быстрых выдоха. Вдох.

Корке точнее определил откуда доносится крик, учел место, где сидел охотник, выбрал оптимальный маршрут. В два прыжка добрался до точки откуда доносились крики о помощи. Уже в последний момент обратил внимание на путанные следы, ведущие с той стороны, где укрывался стреляющий.

– Меня потерял? – игриво спросил женский голос из-за спины. Корке хотел ответить, но приставленное к самому горлу лезвие меча к беседе не располагало. – А я вот тебя долго искала.

«Вот ведь попался как пацан! И ведь говорил же сам себе – ловушка! Глупости нет твоей предела, старик»

Корке шумно сглотнул, стараясь не напороться на лезвие, осторожно спросил:

– Кто ты?

– Я та, кто убьет тебя. Считаю смерть твоя.

– Почему ты хочешь убить меня?

– А сам как думаешь?

«Совсем еще молодая, – подумал старик, вслушиваясь в голос незнакомки. – Лет тринадцать, наверное. Ловко она меня подловила. Сначала с лука подбила, потом выманила в засаду».

– Не буду гадать, – устало ответил старик. – Если есть за что, то говори.

– Скажу, – ледяным голосом ответила девочка. – Но сначала повернись. Хочу видеть твои глаза, когда буду отрубать тебе голову.

Старик осторожно повернулся. Не пряча взгляда, разглядел стоящую перед ним. И вправду совсем юная особа. Милое еще детское личико с огромными сапфировыми глазами, срезанное слева длинной спадающей челкой черных как смоль волос. Одежда с чужого плеча, аккуратно подшитая и подогнанная под нужный размер. На шее толстый длинный шарф, похожий на удава, обернутого в пять колец.

Девочка в свою очередь тоже оглядела старика колючим пытливым взором, особо пристально всматриваясь в лицо.

– Назови себя, – скомандовала она, продолжая держать меч у самого горла старика.

«А заточено знатно, – отметил про себя Корке, отклоняясь назад. – Опытный мастер заточку делал».

– Меня зовут Корке, – ответил старик. – А тебя?

Девочка не ответила, продолжая пристально изучать свою жертву.

– Может все-таки скажешь зачем хочешь убить меня? Коль не убила сразу, значит есть что сказать. Так ведь?

Девочка прищурила глаза, словно над чем-то размышляя. Чекая слова, произнесла:

– Тринадцать лет назад, село Дэбуриан. Тебе это о чем-то говорит?

Старик кивнул:

– Да, говорит. В то время наш аул вел войну с жителями этого села. Мы ее выиграли.

– Вы убили почти всех жителей! – прошипела девочка.

– Не мы первыми начали эту бойню. Мы лишь защищали свои земли, на которые они посягнули.

– Это уже не имеет значения, – ни один мускул не дрогнул на ее лице, вся она словно мраморная статуя недвижимо стояла на ветру. – В той битве ты надругался над одной женщиной. Над моей матерью. В результате на свет появилась я. Мать так и не смогла оправиться от позора и сошла с ума.

Девочка перехватила меч двумя руками, как палач занесла над головой старика чтобы сделать роковой удар.

– Корке, ты, смердящий пес, я пришла совершить месть, о которой мечтала всю свою жизнь. Молись, ибо это твой последний день.

Глава 5

Что-то происходило в сумраке его безвременья, на самой периферии восприятия. Какое-то движение неведомых теней, разглядеть которые не было никакой возможности. Да он и не пытался. Просто ощущал их присутствие и молчал, не в силах что-либо сказать, парализованный, придавленный циклопическим массивом ужаса.

Тени издавали звуки. Говорили с ним. Так ему казалось. И в этом неразборчивом гомоне было какое-то одобрительное согласие, звериное, кровожадное, какое возникает всегда среди толпы, где-то в самом её центре, когда казнят разбойников или насмерть дерутся бойцы в круге арены. Бесформенная серая масса – трепыхающийся клубок чего-то отвратительного, пугающего, наводящего первобытный страх, – пронеслась над головой и растворилась в небытие. Темная громада неба, усеянная ярко светящимися точками, с оглушительным грохотом разорвалась, приводя его в сознание.

Ардус открыл глаза.

Боль начала приливать сразу, пульсирующими обжигающими волнами. Заломило руку, потом обручем сдавило голову. Скрутило живот, Ардус едва успел повернуться на бок, как его в спазме вырвало. Тело бил озноб, то ли от страха, то ли от холода.

Давно стемнело. Вдали, у самого горизонта, громыхало и сверкали молнии. Здесь же, в низине, дождя еще не было, но уже четко ощущался предгрозово́й запах. Подул холодный ветер, принося с собой звуки ночи. Волки. Они находились неподалеку. Запах крови привлек зверье. И теперь оставалось только делом времени – найти по четкому следу добычу, выяснить не угрожает ли опасность и всласть вкусить знатного ужина, устроить пиршество.

Ардус с трудом встал. Стараясь не смотреть на два трупа, лежащих неподалеку, подошёл к лошади. Она нервничала, рыла копытом землю, фыркала, тоже чуя волков. Парень похлопал её по крупу, пытаясь успокоить.

– Тише, тише, – прошептал он не своим голосом. Во рту все пересохло, а губы потрескались, от чего каждое слово давалось неприятной болью.

Надо немедленно убираться из этих гиблых мест. Иначе и ему суждено будет сгинуть тут. От зверья в таком состоянии ему не отбиться. Но если гнать без оглядки, то шанс на спасение есть.

Ардус попытался вскочить на лошадь, но быстро понял, что из этой затеи не выйдет ничего толкового. Сил не оставалось. Поэтому он просто завалился в обоз, взял узды и припустил кобылу. Та резво помчала вперед, по кривой дороге. Телегу затрясло так, что из дыры, оставленной оружием головореза, полетел почтовый мешок.

– Давай! Давай, родимая! – шептал Ардус, уже и не понимая, чего он больше боится – волоков или убитых им людей. Перед глазами еще отчетливо стояла картина удивлённого лица толстяка, из шеи которого хлещет кровь. Бледная маска начала растворяться и сквозь нее проступало другая – худое изможденное лицо старика. Куцый смотрел на Ардуса тяжелым не переносимым взглядом и превращался в череп. Наваждение не проходило, и парень начал подумывать о том, что сошел с ума.

Как же он в таком виде явится в Академию? Если у него заподозрят безумие, то непременно сдадут в лечебницу. А об учебе можно будет забыть раз и навсегда. У сумасшедших одна дорога – мозговое иссечение и отправка на стирочные работы – других им после такой процедуры уже доверять нельзя.

Ардус со всей силы потряхнул головой, словно пытаясь вышвырнуть оттуда дурные мысли. Начал молиться, от волнения через раз забывая и путая слова.

На каждом ухабе обоз подбрасывало. Услышав совсем близко, за спиной, голодный скулящий вой волков, парент поддал лошаденке еще. В ночи, освещаемой лишь только блеклой луной, было не разобрать дороги. Но вскоре и луна скрылась за черную дождевую тучу и в мире воцарился мрак.

Ударил раскатистый гром, и в тот же миг стеной пошел холодный дождь. Он бил в парусину телеги, сквозь огромный прорез проникал внутрь, словно пытаясь добраться до парнишки, схватить его и утащить во мрак. Ардус какое-то время укрывался от дождя, кутаясь в одежды, но понял, что это бесполезно и сдался, уже не прячась от хлестких тяжелых капель.

Вода стекала по лицу, ручейками облизывала потное измученное тело. И от этого холода становилось легче. Ардус глубоко вздохнул, чувствуя, как мысли успокаиваются, начинают приходить в порядок. Разум остыл, погасив раскалившиеся эмоции. Парень выглянул наружу, представляя лицо дождю. Да, так действительно лучше. И никакого самобичевания, и угрызения. Ни в чем не виноват. Поступил так, как и положено. Самозащита. А бандиту наказание за его грехи.

Вновь невольно всплыл в памяти лик старика, но парень с силой тряхнул головой, выкрикнул в черное небо что-то нечленораздельное и мираж исчез.

С каждым мгновением повозка уходила прочь от того места, где случилось то, о чем парень раньше не мог помыслить даже в самых дурных снах. Ночь надежно прятала своих покойников, скрывая страшную тайну. А Ардус мчал вперед, как ему казалось туда, где он начнет все с чистого листа, заново. Но не понимал одного – он все глубже погружался во мрак, с каждым шагом все дальше сбиваясь с пути.

К утру дождь закончился. Лошадь, измотанная за ночь, остановилась возле деревца пощипать травы и отдохнуть. Ардус не стал клять кобылу, задремал и сам, мертвецки устав. Проспал до самого обеда и проснулся лишь из-за того, что захотел есть. От голода в тугой узел стянуло живот. Все, что было, отошло на второй план, оставляя место только одному инстинкту – утолить голод.

Ардус нашел среди перемешавшихся и растрепанных сумок свою, достал оттуда кусок хлеба, за время дождя вымокшего, превратившегося в раскисший кусок теста, и тут же его съел под довольное урчание желудка.

Хлеба оказалось мало и наестся им не получилось. Пришлось искать еду среди сумок почтальона. Но ничего кроме писем, бумаг и поношенных вещей там не обнаружилось. Разминая затекшие конечности, парень спрыгнул с обоза, осмотрелся. Местность была ему не знакома. Сплошная равнина, да небольшие островки деревьев. Ни намека на город или деревушку. Но судя по наезженной широкой дороге не такое уж и покинутое место. Если ехать и дальше по тракту, то непременно должен повстречаться перевалочный пункт или почтовая станция. А там можно и поесть, и спросить, где он находится, и уточнить дорогу на Амальтар.

– Главное, чтобы этот населенный пункт не оказался подобием Заррии, – вслух сказал Ардус и рассмеялся, громко, звонко, откинув голову назад. Лошадь с некоторым недоверием посмотрела на странного человека и вновь продолжила щипать траву.

А он все смеялся и никак не мог остановиться. По щекам покатились слезы, а живот заболел, не в силах выдержать такое испытание. Не помня себя, задыхаясь, парень гоготал и лишь цокот копыт вдалеке заставил его с трудом успокоиться.

Поднимая клубы пыли, вдали одиноко ехал наездник.

Внутри словно все оборвалось. Спина покрылась холодным потом. Ардус вдруг понял, что на почтальона по своему виду он совсем не похож, и объяснить наличие обоза правдоподобно навряд ли получится. Попробовать скрыться? Не успеет, путник уже совсем близко. Остается только молиться что всадник не из рыцарской охраны. Иначе придется вернуться в родные края, но отнюдь не в отчий дом. На шахты. До скончания века.

–Твердости твоей вере! – издали крикнул всадник на высоком, еще иначе называемом королевским, слогом и поднял руку в приветствии.

В голове проскользнула – только на одно очень короткое мгновение, – а не решить ли возникающую проблему так же, как и...

Нет!

Ардуса передернуло от жутких воспоминаний. Боже, что же это с ним происходит?! Нет никакой проблемы! Просто путник, повстречавшийся на пути. Что он может ему сделать?

Незнакомец был высокого роста, слегка сутуловат. Под плотным капюшоном, скрывающий лицом, угадывался лишь острый тонкий нос и выступающие заостренные скулы. Незнакомец держался уверенно, но надменности в жестах и движениях не чувствовалось, напротив, все своим видом он выказывал уважение и такт.

Путник вновь поприветствовал его королевским слогом:

– Твердости твоей вере!

Опомнившись, Ардус торопливо ответил:

– И тебе. И пусть у нас с тобой будет один король.

– Истинно так.

Путник кивнул. Парень кивнул в ответ. Полагаемый для такого случая обряд был соблюден, но что делать дальше, кажется, не знал никто из них двоих. Возникла неловкая пауза.

– Меня зовут Ардусом.

Путник спрыгнул с лошади, протянул жилистую загорелую ладонь.

– Кливент.

Они пожали друг другу руки.

– Помощь нужна? – спросил назвавшийся Кливентом, переходя на простой слог.

Ардус растерялся.

– Помощь?

– Ну да. Твоя повозка совсем плохо выглядит, – он кивнул в сторону телеги. – Видимо, ты куда-то сильно спешил, раз гнал её по такой ужасной дороге. Ямы и колдобины окончательно превратили её в рухлядь. И пары лиг не проедет – развалится. Вот и трещина глубокая на передней оси имеется. Нет, не доедет, точно тебе говорю.

– Да, действительно, спешил, – нервно хохотнул Ардус, но быстро одернул себя, взяв в руки. – Я в Академию путь держу.

– Не в Академию Истиной Веры случайно ли? – заинтересованно спросил путник.

– В неё самую. Поступать намерен.

– Так значит, как говорят странствующие менестрели, наши дороги слились в одну. Я тоже туда путь держу. Не поверишь – тоже поступать!

Кливент откинул капюшон, обнажая худое с мертвенной мраморной бледностью лицо, угловатое словно вырезанное наспех из камня. И лишь живые подвижные с голубоватым отливом глаза выдавали в нем живого человека.

– А повозку я у одного старика купил, – спешно добавил Ардус, заметив, что новый знакомый как-то подозрительно пялится на обоз. – Хлам подсунул. Радует только, что не дорого за нее отдал. Не жалко будет оставить.

– Это правильно, – кивнул Кливент. – Верхом быстрее будет, телега ни к чему тебе. Ты же не почтальон.

Ардус нервно хохотнул. Внутри всё скрутило в тугой узел, холодный и тяжелый.

– А проходимцев нынче много развелось, – продолжал путник.

Будь у Ардуса сейчас нож в руке, за свои дальнейшие действия он бы не ручался. Но оружия, хвала Святым, у него не было и поэтому он лишь молча кивнул, судорожно сглотнув.

«Не похож на солдата королевской стражи», – отметил про себя Ардус, украдкой осматривая одежду путника. Может, действительно говорит правду насчет поступления в Акаде-

мию? В этом ведь нет ничего удивительного. Одет не бедно – добротные сапоги из сыромятой кожи, серый с отливом плащ по последней моде, широкий черный пояс, украшенный, кажется, медью. Такому парню по статусу и финансовым возможностям вполне логично учиться в одном из трех старших школ – Академии Истинной Веры, Академии Военного Дела или Академии Горного Дела. Никакой опасности.

«Надо взять себя в руки и успокоится, иначе точно доведу себя до помешательства».

Стало чуть спокойнее. Ардус облегченно вздохнул, подумав, что слишком накрутил себя. Произнес:

– И вправду, оставлю телегу здесь, ни к чему мне она.

– Это правильно, дружище, – вновь кивнул Климент, так буднично и естественно, словно они были знакомы уже множество лет. – Пойдем верхом, налегке, так быстрее будет.

Ардус, смутившийся от такой беспардонности путника, с которым познакомился только что, только и смог ответить:

– Пойдем.

Соорудив из плотной парусины обоза подобие седла, набив между двух слоев ткани побольше тряпья и бумаги, найденной в багаже Куцега, Ардус водрузил подушку на спину лошади. Со второй попытки оседлал животное, едва усидев на плохо закрепленной самодельной конструкции.

Смотря, как Ардус вертит поясницей, пытаясь удержать равновесие, Климент весело хохотал, похлопывая себя по коленям.

– Ну ты даешь, братец!

Ардус тоже рассмеялся в ответ, оправдывающимся тоном произнес:

– Поэтому и телегу купил – плохо владею конным искусством.

– Да какое к черту искусство! – утирая слезы сказал Климент. – Обхватил кобылу ногами, наподдал и – вперед! А вот задницей ты вертишь – вот это, пожалуй, можно назвать искусством! Так в красных трактирах даже барышни не танцуют как ты извиваешься! Им поучиться бы у тебя надо! Ха-ха!

Они оба громко весело рассмеялись.

– Гони! – свистнул Климент, наконец успокоившись. – Гони, ее ретивую! – и пришпорил коня. Лошадь встрепенулась, дернулась, поднимая клубы пыли и со всех ног помчала вперед.

Ардус последовал за ним.

Глава 6

Плечи старика опустились, голова повисла.

Сейчас он представлял жалкое зрелище. Совсем недавно предводитель племени степняков, коих многие не иллюзорно боялись и признавали их силу и право быть первыми во всем, теперь стоял на коленях перед ребенком, раненный и жалкий. Корке это понимал, но противно от этого не было. Никаких чувств вообще не было. Только боль и усталость. И ощущение белого снега, безграничного и вечного, его чистоты, в которую хотелось упасть и уснуть. Навсегда. Может, Тарун и в самом деле был прав и старику пора на отдых? Да, видимо так есть. Твой час, Корке, настал.

Морщась от боли, он севшим голосом произнес:

– Да, возможно, так будет лучше. Для всех нас. Для меня.

Девочка нахмурилась. Не скрывая раздражения, спросила:

– Что ты там бормочешь?

Старик задумчиво покивал головой, словно соглашаясь с кем-то. Потом, не в силах терпеть боль от раны, обхватил плечо и, выдавливая слова, сказал:

– Тогда, в той битве, все пошло не так. Мы ее выиграли. Но не той ценой, какую хотели. В самой первой схватке погибло много наших соплеменников, все мои близкие и родные, кого я знал множество лет, с которыми мы жили бок о бок практически всю жизнь. Они все погибли. У меня на глазах. Впервые я тогда почувствовал такую дикую злобу, когда ты теряешь контроль над своим разумом, превращаясь в камень и все тебе нипочем, ибо тобой движет только одно – месть. Мы ворвались в Дэбуриан и начали убивать всех, кто попадался нам на пути, опьяненные дикой яростью. За одну ночь мы уничтожили этот городок, не оставили камня на камне. И когда уже собирались уходить к нам навстречу выбежала эта женщина. Она проклинала нас даже не зная, что эту бойню затеяли не мы, а они, желая расширить границы своих владений. Они начали этот кровавый ужас. Мы лишь защищали себя и мстили за убитых. Но она этого не знала. Она лишь видела смерти своих соплеменников и делала простые выводы. Не страшась смерти, она выбежала нам наперерез и начала проклинять. И вновь во мне вскипело это жуткое неведомое, темное чувство. Я... – старику было сложно говорить. Он едва держался чтобы не упасть. – В тот момент мной управлял словно демон. Я не помню себя, лишь красный туман перед глазами, какую-то пьянящую вселенскую ненависть. Да, я надругался над ней. И теперь час расплаты настал. Да, так будет лучше. Сделать то, за чем пришла.

Старик медленно и с явным усилием распрямил плечи. Кулаки разжались. Корке внимательно взглянул на девочку. И вдруг понял, что перед ним стоит его дочь. Пусть появившаяся на свет таким жутким путем, но все же в ее венах текла его кровь. Внезапное осознание пробудило в душе странные чувства, толи радости, толи волнения.

«Моя дочь», – подумал он, разглядывая лицо девочки. И невольно стал подмечать знакомые черты. Такие же уголки рта, широкий лоб, тонкий короткий нос. А вот огромные сапфировые глаза достались от матери. Корке вздрогнул, вдруг на мгновение увидев в лице подростка образ той обезумевшей от горя женщины. Она до последнего дралась и вырывалась из рук солдат.

У Корке не было детей. Агила не смогла родить ему наследника. И это было его трагедией. В его племени эта тема была запретной, но некоторые, кто хорошо знал Корке, украдкой предлагали ему найти другую жену, способную родить приемника. Предлагали правда только один раз, и быстро замолкали, шамкая разбитыми носами и губами.

«Будь у меня сын, все сложилось бы иначе», – подумал старик, вдруг вспомнив родной аул.

Девочка медлила. Немигающий тяжелый взгляд буравил старика, но глядел будто бы сквозь него, выдавая глубокую задумчивость. Меч замер у горла Корке и даже не дрожал, говоря о невероятной выдержке ребенка.

– Как твое имя? – вдруг услышал свои слова Корке.

Глаза девочки блеснули хищным пламенем.

– Последнее желание – закон, – мягко пояснил Корке. – Скажи мне свое имя и можешь вершить свою месть, я приму от тебя смерть со спокойным сердцем.

– Нет. Мне не нужно чтобы ты умирал легкой смертью, – злобно проговорила девочка.

– Поверь, я сам себя уже сполна наказал, – старик долго думал о том, чтобы рассказать ей о себе, но не стал. Лишь произнес: – Меня зовут Корке. Скажи мне свое имя... и убей, раз пришла за этим.

– Меня зову Зора, – отчеканила девочка и меч, взметнувшись вверх, со свистом рассек воздух.

* * *

Удар пришелся в ледяной сугроб.

Но Корке даже не вздрогнул. Он уже принял неизбежное. Разум был чист как это снежное поле и находился где-то далеко. На губах сияла улыбка.

«А ведь смерть не страшна. Только обидно, что так мало пожил».

Не сразу старик понял, что еще жив. И лишь плачь и всхлипы девочки вывели его из какой-то эйфории и полного ощущения свободы. Он открыл глаза, пытаясь сообразить, что же случилось. Слева от него звенел меч, вошедший в лед почти на половину своей длины. Зора стояла поодаль, повернувшись к старику спиной. Плакала.

Старик попытался подняться, но не смог.

– Что ты? Что ты? – торопливо спросил он ее, не оставляя попыток встать. Ноги совсем не слушались, а боль, поутихшая было, вновь вернулась с утроенной силой. Рука ниже ранения полностью онемела.

«Плохой знак», – промелькнуло в голове.

– Я... я не могу! – со злобой произнесла Зора, и в сердцах пнула ледышку, отколовшуюся при ударе меча. Та звякнула и разлетелась на мелкие кусочки. – Демоны тебя дери! Не могу!

Старик потупил взор. Что он мог предложить ей? Самому убить себя? Корке не сдержался и хихикнул.

– Что ты смеешься?! – взорвалась девочка.

– Просто странно все это выходит. Моя дочь пришла убить меня, но не может этого сделать и поэтому плачет. Расскажи кто мне такое раньше – ни за что бы не поверил.

– Не смей называть меня так! – зашипела Зора, подскочив к старику и схватив того за грудки. – Не смей называть меня своей дочерью, дряхлый дикарь! Не смей!

Боль пронзила руку и Корке застонал.

– Я ждала этой минуты с самого рождения. И вот ты передо мной. Казалось бы, чего проще – и желанней, – перерубить тебе шею? Но я не могу этого сделать. Не могу! Проклятие!

– У меня в рюкзаке, – слова довались Корке с трудом, но он старался не подавать виду. – Есть чем перевязать рану. Я сейчас сниму его, а ты пока насобирай дров.

– Что? – от удивления Зора вытянулась в лице.

– Дров, говорю, насобирай. У меня пара лучин осталось в заначке, костер разведем. Чаю вскипятим. Знатный травяной сбор у меня имеется. В любую стужу согреет.

Не зная, что ответить на такую наглость, Зора лишь моргнула глазами.

«Какие красивые», – отметил про себя старик и сердце разлилось какой-то горячей беспричинной радостью. Поторопил:

– Ну, давай, чего замерла? Вон там сугроб, видишь? Наверняка куст. Капнуть два раза – и дрова будут. Сходи, пожалуйста. Да не переживай ты так, убежать далеко с такой раной я все равно от тебя не смогу. А так чаю попьем, ноги совсем занемели. Да и ты, я погляжу, замерзла, нос совсем синий.

...Костер развели в небольшой низине, укрывшись от ветра. Корке растопил снега, не скупясь бросил добротную горсть заварки в кружку.

– На, пей, – протянул девочке.

Та сморщила носик.

– Отравить решил, старый?

Корке улыбнулся.

– Что ж я, по-твоему, отраву с собой всегда ношу? Вот смотри, если не веришь, – старик, с удовольствием побряхтывая и с присвистом швыряя, отпил из кружки несколько глотков горячего крепкого чая.

– Ух! – крикнул в кулак. – Знатно заварился. Ну, будешь?

Зора с подозрением приняла кружку. Грея руки об глиняные бока, опасливо отпила. Не смогла сдержаться, произнесла:

– Да, и в самом деле хорош. Согревает.

– Ну, а я что говорил? – старик улыбнулся.

Они сидели молча, не зная какие подходящие слова найти друг для друга. Корке как мог держался, но боль в плече прошивала так, что он не вытерпел и сквозь зубы закричал, пытаясь подавить крик. Зора глянула на него, нехотя произнесла:

– Давай, помогу.

Корке замотал головой, но Зора не стала даже и слушать его, под села ближе, на удивление крепкой рукой усадила на место попытавшегося слинять старика.

– Надо вынуть, иначе ничего хорошего не жди. В кость не вошла, только в мягкие ткани.

Корке притих, ссутулился, покорно дал себя осмотреть, морщась от боли.

– Сейчас будет больно, – предупредила девочка, осторожно освобождая пораженное место от одежды.

– Ничего, стерплю... Ох!

– Тихо! – шикнула Зора. – Пустяк! Как я и говорила – кость не задета. Стрелок я так себе. Сейчас выну наконечник. Выдохни и приготовься – насчет три. Три!

В плече что-то противно чавкнуло и сразу же разлилось обжигающей болью по всей руке. Старик едва сдержался чтобы не разразиться самой крепкой бранью.

– Ну вот и все, – произнесла Зора, демонстрируя ему окровавленный наконечник стрелы. – Сейчас перевяжу. Заживет как на собаке.

– Да, это точно! – сказал старик. На белом как снег лице появилась слабая улыбка. – Уже лучше. Правда лучше.

Зора вернулась на свое место. Отхлебнула из кружки и протянула старику.

– На, попей.

Дрожащей рукой Корке принял стакан.

– И что дальше? – спросила Зора, ковыряя носком ботинка снег. – Что будем делать дальше?

– Не знаю, – честно признался старик. – Пить чай будем.

– Я не смогла этого сделать, – вдруг без всяких эмоций сказала она. – Я не смогла тебя убить. Я – слабый человек, ничтожество.

Вытирая взмокший пот со лба, старик ответил:

– Слабость проявляется ни в том, смогла ты убить человека или нет.

– А в чем тогда? – вновь вспыхнула злостью Зора.

«Характер у нее как у меня в молодости, горячий!», – отметил про себя Корке.

– Слабость – это неспособность идти дальше, сдаться. Вот что такое слабость.

– Мне некуда идти дальше. Этот день был конечной точкой моего пути. Я всю свою сознательную жизнь жила этим моментом, множество раз представляла, как это будет, какие слова скажу тебе, ты даже не представляешь сколько раз! Я проигрывала этот момент каждый день. А теперь... вот, не могу сделать последний шаг. Тряпка!

– Если тебя это успокоит хоть немного, то мне на самом деле не много осталось. Возраст уже, сама понимаешь, не молодой. Да еще раненный я. К тому же теперь я изгнанник – старик, у которого нет ни еды, ни сил чтобы добыть ее.

– Изгнанник?

Корке аккуратно здоровой рукой подкинул веточек в костер. Покусывая нижнюю губу, ответил:

– Да, меня отправили на покой. Молодая кровь, амбиции. Старый вожак уже слишком слаб, чтобы повести за собой людей. Вот они и выбрали более молодого.

Девочка улыбнулась.

– Это ты про того ошалелого говоришь, который людей жрет? Это он тебя сверг? Ха!

– Что? – старик выпучил глаза, не понимая, о чем она говорит.

Не скрывая ехидства, Зора пояснила:

– Я выслеживала тебя последние два месяца. Ваш аул часто кочевал, тяжело было обнаружить след. Но я нашла. И, прежде чем понять, что тебя уже нет в этом племени, я день и ночь следила за ним. Дикари. Вожак у них совсем обезумел. Страшный голод там. Все истощены сильно. Вчера, прежде чем окончательно понять, что тебя там нет, и уйти в новую погоню, я наблюдала один странный обряд, который они проводили. Они молились каким-то богам, танцевали как пьяные, а потом по указанию этого вожака охватили обухом одного старика по голове. Тут же развели костер и...

– Хватит! – крикнул Корке. – Этого не может быть! Просто не может быть! Ты врешь!

– Зачем? – резонно спросила Зора. – До твоего племени мне нет ровным счетом никакого дела. Я просто выслеживала тебя. И рассказываю всё, что видела.

– Не могли же они за один день так пасть... – начал старик, но запнулся.

«Еще раньше, до того, как меня изгнать, они уже решили так делать. Тарун говорил, что они будут пережидать зиму на месте, значит изначально планировали жрать друг друга!»

Пульсирующая боль пронзила висок. Корке обхватил голову, пытаясь справиться с эмоциями, но не смог и по-медвежьи закричал. Ярость наполнила тело, внутри все вскипело. Старик встал, не обращая внимания на боль в ногах, от которой сильно кидало в стороны, начал выбираться из низины.

– Куда ты? – спросила Зора, все так же оставаясь на месте и спокойно отхлебывая из кружки.

– Я... его... убью... – прохрипел старик.

– Да, мне это знакомо, – улыбнулась девочка.

Но старик не понял ее сарказма.

– Я разорву его в клочья! Этими самыми руками!

– Стой, старик! – вдруг жестко сказала Зора. В ее голосе зазвучала сталь и Корке невольно остановился. Обернулся.

– Чего тебе?

– Не время сейчас.

– Почему? – теряя терпение спросил Корке. Налитые кровью глаза метали молнии.

Зора глядела куда-то сквозь старика, пристально, не мигая. Уже теряя терпение, он собирался повторить вопрос, как девочка ответила:

– Метель идет с той стороны. Не успеешь, на перевале поймаетшь самую выюгу. Переждать надо.

– Переждать? – переспросил старик, словно, не понимая сказанного слова. Первый приступ ярости начал проходить, заставляя мозг работать. И в самом деле в воздухе уже явно ощущалось приближение бури – Корке, который без труда мог определять погоду, этот сыроватый простуженный запах поветрия был до боли знаком. И как раньше не заметил?

– Да, – кивнула девочка. – Переждем метель и пойдем.

– Ты тоже пойдешь? – удивился старик.

– А ты думал я тебя просто так отпущу? – Зора рассмеялась звонким смехом. – Вроде и голова вся в седилах, а такой наивный. Нет. Не мечтай, что ты так просто избежал смерти напоив меня чаем и пожалев. Не считай меня ребенком, я хоть и выгляжу молодо и годков мне мало, но повидала я уже многое. Меня такими глупыми трюками не проведешь. Считай это просто отсрочкой твоей смерти. Сегодня ее ты избежал, но это только на сегодня. Значит еще не наступило время. – Девочка положила руку на рукоять меча, спрятанного в ножнах. – Но оно обязательно наступит. Я дала клятву своей матери что обязательно отомщу за нее. Умирая от чахотки у меня на руках, она все рассказала про тебя и про то, как я появилась. Даже перед смертью не могла говорить о другом. Знай, старик, я всегда выполняю свои обещания. Поэтому я пойду с тобой. Не чтобы помочь тебе, но, чтобы дать тебе отомстить за своих соплеменников перед тем, как умрешь ты сам. Мсть – это все что есть сейчас у нас с тобой.

Корке и Зора долго смотрели друг другу прямо в глаза, и никто не отводил взгляда первым.

– Спасибо, – наконец сказал старик, и опустил глаза. – Спасибо что дала мне такую возможность.

Зора холодно улыбнулась.

– Теперь мы на одном с тобой корабле, под названием «жажда мести». И, демоны меня дери, если этот корабль не идет ко дну! Не долго осталось ждать.

Глава 7

Постепенно унылый равнинный пейзаж тракта начал сменяться пологими холмами, набухающими густой порослью кустарника словно бубонными нарывами. Дорога, из монотонно-ровной, вдруг начала пьяно качаться в разные стороны, то круто уходя под гору, то змеясь между валунами и обветренным скальником.

Путники спешили, решив дать немного отдохнуть уставшим лошадям.

– Привал сделаем, – сказал Климент, взглядом выискивая подходящее место. – По карте, которую втридорога продал мне один торговец, где-то неподалеку должен быть ручей. И если его не окажется, то я этого проходимца из-под земли достану!

Впрочем, карта продавца не обманула, ручей и вправду нашелся, укрытый в тени раскидистого кряжистого дуба. Путники вдоволь напились ледяной воды, напоили лошадей. Решив охладиться, умылись.

– Хорошо! – протянул Климент, фыркая от удовольствия.

Ардус провалился к дереву, устало кивнул. Вода утолила жажду, но вскоре захотелось есть. Звериный голод скрутил живот, парень попытался отвлечься от навязчивых мыслей, но в голову ничего, кроме домашней мясной похлебки, не лезло, такой густой, наваристой, обжигающей, с печеным картофелем и свежим хрустящим лучком... Стоп! Живот громко запротестовал, потребовав еды.

– Держи, – сказал Климент, протягивая сверток.

Ардус колебался, не решаясь взять угощение – кусок хлеба и пару ломтиков вяленого мяса.

– Бери-бери! – улыбнулся парень, увидев сомнение в глазах спутника. – Тут обоим нам хватит перекусить. А к завтрашнему полудню уже и деревушки пойдут, там и пополним провиант.

– Долго еще до Амальтара, не знаешь? – устало спросил спутник, принимая угощение.

– Думаю, дня два пути. Может быть, три.

Ардус, услышав такие новости, обрадовался. Дорога его изрядно вымотала и, кажется, надолго отбила желание путешествовать.

Они неспеша поели, смакуя каждый кусочек. Утолив голод, выбрали места в тени дерева и легли отдохнуть. Климент начала насвистывать себе под нос незатейливую мелодию.

Впервые за их дневной путь, Ардус решился задать вопрос своему путнику.

– А ты в Академию Истинной Веры по собственным убеждениям решил поступить? Я ведь имею ввиду, что есть и другие Академии, более престижные, чем эта... ну, то есть я не хочу сказать, что Академия Истиной Веры плохая и не престижная, но...

– Что за бред ты несешь? – прервал его сбивчивую речь Климент. – Какие еще убеждения? Просто там меньше всего надо зубрить эти занудные манускрипты.

Ардус хотел уточнить, точно ли он понимает, чему их будут обучать в Академии и сколько пыльных фолиантов нужно будет заучить чтобы сдать хоть один экзамен, коих за шестилетний период учебы будет очень много. Но тактично промолчал.

– Я ведь вообще не хотел никуда поступать. У меня у отца отличная свечная мануфактура, которая должна была перейти мне по наследству. Мануфактура «Красный огонь», может слышал? Но обстоятельства сложились так, что пришлось бежать.

– Бежать? – не смог сдержать удивления Ардус. Но тут же как следует отчитал себя за столь бестактное поведение.

– Ну да, – просто ответил Климент, не обратив внимание на манеры спутника. Закатив глаза мечтательно, с улыбкой на устах, словно вспоминая что-то теплое и приятное, произнес: –

Было дело. Есть в нашей богом забытой дыре начальник городской ратуши. Скверный такой старикан, его никто не любит. Гад, каких поикать еще надо. То налогами всех душит, то житья не дает, пытаясь в дела ремесленные лезть. Кто как от него спасается. А он чем старше, тем дурнее становится. Власти много в руках у него, поэтому нет на дурака управы. Так бы давно его в колодец скинули или камнями забили. У-у, гад! – Кливент сжал кулаки, в бессилие стукнул по коленке. – Так вот, у этого старика дочка есть. Красавица, скажу я тебе, глаз не отвести! Походка грациозная, соблазнительная, идет по улице, а её глазами весь мужской род раздевает. Знатная красавица! С таких картины рисуют да мраморные статуи делают. А она цену знает своей красоте, никого к себе не подпускает. Такая вся из себя, недоступная, к ней на хромой кобыле не подъедешь. Этим еще больше парней заводит.

И случись мне однажды мимо неё пройти. Я по делам мануфактурным бежал, а она так, гуляла просто. Снял перед ней шляпу, в приветствии, все-таки дочь головы городской ратуши. А сам книгу у неё в руках заприметил. Возьми да ляпни с дуру что-то про силу человеческой мысли, закованную в печатное слово. Она так сразу преобразилась, расцвела, румянец на щеках выступил, по-другому на меня как-то посмотрела. Спросила, не доводилось ли мне случаем читать сей труд? А сама протягивает книжицу эту. Малёхонькая такая книжица, а кожи на неё телячьей переведено – уму не постижимо! Одни растраты! Сразу видно – философичный труд перед глазами. Читать то я умею, да только подобную тоску в жизни в руки не возьму. Но, не будь дурак, отвечаю дескать да читал, и не раз. Замечательный труд и мысль глубокая у почтенного автора. Девушка еще больше начинает млеть. И губку прикусила, и кудряшку на палец начала накручивать.

Чую – рыбка клюнула, надо подсекать. В общем, слово за слово, проводил её для более подробного обсуждения достоинств книги в сарай. И так мы там общались – м-м-м! – Кливент закрыл глаза. – Закачаешься! А наутро старик её нас в этом сарае и застукал. Я в чем мать родила едва успел убежать. Старик хоть и в годах, а саблей орудует – фору любому даст. Он, говорят, пиратом по молодости ходил в Змеиной бухте, страх на всех наводил. А что толку убежать, если он знает кто я и чей сын. В общем, пришел он к отцу моему и выложил все как есть, сказав, что я опорочил его дочь, а значит и его опозорил перед людьми. Спорное конечно убеждение, девица в сене такие кульбиты выдавала – я думал сарай сгорит от её огненных телодвижений, фору любой портовой бабе даст. Потребовал, ни много ни мало, мою жизнь. Видал какой паскуда?! Ни денег ему не надо, ничего другого. Подавай голову. Отец, зная старика, и что житья он не даст, пока своего не получит, лишь кивнул, мол, бери. А сам незаметно слугу за мной послал и записку передал. Успел предупредить. Вот я, не будь дурак, сел на лошадь и помчал прочь, только пыль столбом. Отсиджусь в Академии, а там, глядишь, и старик уже помрет. Как думаешь?

Ардус, едва сдерживая улыбку, кивнул.

– Помрет!

– Вот и я так думаю. А ты говоришь убеждения. Тут гораздо все деликатнее. Тонкие материи, надо понимать.

Путники набрали воды и вновь двинулись в путь.

К вечеру преодолели первый вал предгорных холмов и устроили ночной привал. Предстояло еще пройти полторы сотни лиг, в том числе через горы. Поэтому отдохнуть необходимо было хорошо, как следует набраться сил к предстоящему последнему рывку.

Незаметно спустилась ночь, над головой мирно перемигивались звезды. Путники развели костер, перекусили остатками еды. Под едва слышимую переключку мягких голосов сумеречных обитателей заснули возле огня.

Медленно приближался Нианийский хребет.

За ним уже лежала Империя и заветный Амальтар. К основному тракту начинали стягиваться многочисленные тропы и дороги, сливаясь в один путь. Предстояло пройти границу,

миновать перевал. А там, через многочисленные деревеньки и городки, добраться до столицы не составит особого труда. Амальтар, казавшийся таким не достижимым, далеким, теперь ощущался совсем рядом, и это прибавляло сил, уверенности, конечная цель близка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.